

Санкт-Петербургский государственный университет

АРТЁМЕНКО Андрей Артёмович

Выпускная квалификационная работа

Семантическое развитие испанской глагольной лексики (на материале литературы XIII-XVII веков)

Уровень образования: бакалавриат

Направление 45.03.02 «Лингвистика»

Основная образовательная программа СВ.5142. «Испанский язык»

Научный руководитель:
к.ф.н., старший преподаватель,
Кафедра романской филологии
Сытнов Николай Петрович

Рецензент:
к.ф.н., старший преподаватель,
Кафедра романской филологии
Смирнова Алла Николаевна

Санкт-Петербург
2023

Оглавление

<u>1. Введение</u>	4
1.1 Актуальность	4
1.2 Объект исследования	6
1.3 Цель и задачи исследования	8
1.4 Материалы исследования	9
1.5 Теоретическая значимость и научная новизна	10
<u>2. Глава I. Теоретические положения о семантике и семантических изменениях</u>	12
2.1 Становление семантики: от античности до «эпохи семантики»	12
2.2 Семантика как раздел лингвистики: определение и задачи	17
2.3 Основные направления и школы семантики	23
2.4 Семантические изменения: причины и факторы	25
2.4.1 Социально-исторические причины	27
2.4.2 Психологические причины	28
2.4.3 Лингвистические причины	31
2.5 Механизм семантических изменений	35
2.5.1 Метафоризация значения	36
2.5.2 Метонимизация значения	37
2.5.3 Народная (ложная) этимология	39
2.5.4 Эллипсис	40
2.5.5 Расширение (генерализация)	41

2.5.6 Сужение (специализация)	41
2.5.7 Грамматикализация	41
2.5.8 Лексикализация	43
2.6 Выводы	44
<u>3. Глава II. Практический анализ семантического развития испанской глагольной лексики на материале литературы XIII-XVII вв.</u>	46
3.1 Общая характеристика и контекст произведений литературы XIII-XVII вв.	46
3.1.1 «Песнь о моём Сиде»	50
3.1.2 «Трагикомедия Калисто и Мелибеи» («Селестина»)	51
3.1.3 «Хитроумный идалго Дон Кихот Ламанчский»	53
3.2 Общая характеристика семантики глаголов « <i>ser</i> », « <i>estar</i> », « <i>haber</i> », « <i>tener</i> »: причины и процесс семантических изменений	55
3.2.1 Происхождение и актуальное значение глагола « <i>ser</i> »	56
3.2.2 Происхождение и актуальное значение глагола « <i>estar</i> »	58
3.2.3 Происхождение и актуальное значение глагола « <i>haber</i> »	60
3.2.4 Происхождение и актуальное значение глагола « <i>tener</i> »	61
3.3 Анализ семантических изменений испанских глаголов в рассматриваемых литературных произведениях	65
3.3.1 Глагол « <i>ser</i> »	65
3.3.2 Глагол « <i>estar</i> »	68
3.3.3 Глагол « <i>haber</i> »	71
3.3.4 Глагол « <i>tener</i> »	74

3.4 Выводы	77
<u>4. Заключение</u>	79
<u>5. Библиография</u>	81
<u>6. Приложение</u>	90

1. Введение.

1.1 Актуальность.

Семантика играют важную роль в понимании того, как работает язык и как он используется в коммуникации. Французский лингвист М. Бреаль был одним из первых учёных, кто рассматривал семантику как отдельную область лингвистических исследований и высказывал мысль о том, что понимание значения слов играет важную роль в понимании языка в целом (Bréal, 1897). Несмотря на то, что научные исследования по семантике стали появляться лишь в XIX-XX вв., сам предмет изучения, то есть значение языковых единиц, интересовал различных мыслителей еще в античности. Например, Аристотель считал, что язык является ключом к пониманию окружающего мира, то есть между ними есть связь, и эту мысль он развивает в своей работе "Категории", где классифицирует все вещи на десять категорий на основе их существенных свойств (субстанция, количество, качество, отношение, место и т.д.); это напоминает семантические категории, которые будут подробно рассматриваться будущими лингвистами. Другим примером размышлений на тему значений в языке может послужить любопытное исследование К. Фрейзера (Fraser, 2016:302-303), в котором ученый изучает взгляды на язык китайского мыслителя Сунь-цзы, который считал, что власть должна регулировать использование слов, иначе это приводит к "языковым беспорядкам" (нарушаются отношения между именами и предметами, которые они обозначают), а также это необходимо для различения «благородного и низменного». Также он отмечал наличие моральных качеств у слов и влияния их значения на жизнь.

Со временем, к концу XIX – началу XX вв., семантика определилась как самостоятельная лингвистическая дисциплина и привлекла внимание многих исследователей из-за возросшей потребности четкого понимания связи между

идеальной стороной коммуникации – значением (означаемым, планом содержания), материальным его выражением – знаком (означающим, планом выражения), и тем, как человек конвертирует одно в другое посредством языка. Конечно, с развитием семантики ставились новые вопросы: в чем отличие значения от смысла, какими свойствами обладают знаки в языке, как между собой взаимодействуют единицы разных семантических уровней и т. д.

Наше исследование направлено на анализ изменения семантики глагольной лексики, и это обусловлено особым статусом испанского глагола как части речи. Криадо де Валь определял глагол как основную ось грамматической системы испанского языка, выражающей «действия, состояния и явления нашего ума, так и живых существ, сил природы, которые нас окружают» (Criado de Val, 1958:28, 105). Синтаксически глагол является связующим звеном, который объединяет другие элементы (подлежащее, прямое/косвенное дополнение и др.) и определяет их значение, а также значение всего предложения.

Многие глаголы полисемантчны, то есть имеют несколько значений в одной форме. Так, например, согласно DLE (*Diccionario de la lengua española*) глагол «*tener*» обладает 25 значениями: реализация каждого возможна в зависимости от контекста (Real Academia Española: *Diccionario de la lengua española*. 23.ª ed.: [сайт]. URL: <https://dle.rae.es>). Кроме того, дополнительные значения вносят грамматические категории, которые могут быть переданы как флексией (морфологически), так и через синтаксис, с помощью глагольных конструкций, в которых глаголы выступают в качестве полнозначных и служебных единиц. Таким образом глагол обладает особенно богатой семантикой, которую можно наблюдать на всех языковых уровнях, где есть план содержания (морфемный, лексический, синтаксический). Именно семантическая гибкость – подверженность изменениям в значении и широкой полисемии, обуславливает особый интерес к глаголу в испанском языке. В нашем исследовании мы проследим эти изменения на диахроническом уровне

с помощью текстов испанской литературы XIII-XVII вв. В качестве основных синхронических срезов мы будем использовать следующие произведения: «Песнь о моем Сиде», «Трагикомедия Калисто и Мелибеи» и «Хитроумный идальго Дон Кихот Ламанчский». Такой выбор обусловлен удобным для анализа временным промежутком между этими текстами (начало XIII в. – конец XV в. – начало XVII в. соответственно), который поможет нам наглядно отразить изменения в семантике глаголов.

Уже существует много работ, направленных на разработку теоретической базы семантики, однако практический анализ семантических изменений в испанском языке все еще оставляет большое пространство для исследований.

Помимо лингвистического вклада, наше исследование может принести пользу в изучении культуры, истории испанского языка, так как семантические изменения часто связаны с культурологическими и историческими факторами. Такой анализ также может осветить психологическую сторону вопроса, ведь изменения в значении зачастую связаны с человеческим восприятием мира и языка.

Кроме того, наше исследование может оказаться полезным для переводческой деятельности, так как нами будут приведены примеры и пояснения к происходившим изменениям в семантике глаголов.

1.2 Объект исследования.

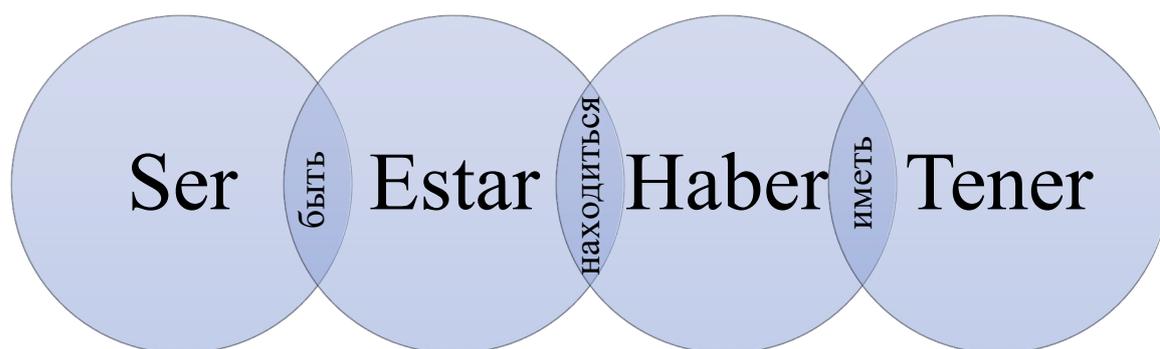
В семантике есть несколько направлений, которые рассматривают значения знаков на разных языковых уровнях: морфемном, лексическом, синтаксическом, и даже фонемном (конечно, принято считать, что морфема это последняя, минимальная единица языка у которой существует значение, однако существуют экспериментальные (эмпирические) исследования, из которых следует, что это не так однозначно, потому что звуковая форма оказывает некоторое влияние на восприятие значения (Левицкий, 1973;

Журавлев, 1974). Главным объектом нашего исследования является глагольная лексика испанского языка, поэтому наибольший интерес для нас представляет лексический уровень, которым занимается лексическая семантика, однако мы также будем регулярно затрагивать грамматическую семантику, поскольку значение глагола очень зависимо от грамматических факторов (категория времени, вида, наклонения и др.). Также для семантического анализа глаголов мы не сможем обойтись без рассмотрения значения и на других уровнях (морфемном и синтаксическом). Это обусловлено тем, что испанский относится к флективно-аналитическим языкам, то есть грамматические категории в нем могут передаваться и через морфологию (флексия), и через синтаксис (например, аналитические глагольные конструкции). Стоит уточнить, что грамматическое и лексическое значение находится в тесной связи друг с другом и, на первый взгляд, разница между ними может казаться размытой, однако мы рассмотрим в чем их отличие в рамках таких процессов семантических изменений как грамматикализация и лексикализация.

Для проведения исследования мы выберем такие глаголы, которые существуют в испанском с давних времен (как минимум со староиспанского (*castellano antiguo*)), поскольку первый синхронический срез представлен произведением на староиспанском языке («Песнь о моем Сиде»), характерны не только для какой-то одной эпохи, лексически нейтральны и обладают высокой частотностью употребления. В центре нашего внимания будут поливалентные глаголы, так как именно они обладают наиболее богатой семантикой и тем самым представляют особый интерес для исследования.

Конкретная выборка глаголов для исследования проводится с опорой на частотность их употребления в испанском языке. Для получения такой информации мы обратились к корпусным данным сайта RAE (*Real Academia Española*), где представлен список из 1000 наиболее частотных словоформ в испанском языке, расположенных в порядке убывания, уменьшения

частотности; из представленного списка мы выбрали четыре наиболее частотных глаголов: «*ser*», «*estar*», «*haber*», «*tener*» (Real Academia Española: 1000 formas más frecuentes : [сайт]. URL: https://corpus.rae.es/frec/1000_formas.TXT). Также мы считаем такой выбор удачным, поскольку эти глаголы образуют семантические «пары», имеющие между собой общие значения (Диагр. 1):

1.2. Диаграмма 1 – образование глаголами «ser», «estar», «haber» и «tener» семантических пар. Отображено на диаграмме Венна.

1.3 Цель и задачи исследования.

Цель исследования: провести семантический анализ четырех испанских глаголов «*ser*», «*estar*», «*haber*», «*tener*», используя классическую испанскую литературу разных эпох, представляющих собой синхронические срезы.

Для достижения поставленной цели необходимо решить **следующие задачи:** показать этимологию глаголов, то есть продемонстрировать происхождение, но постараться проследить за тем, какие семантические изменения претерпевал тот или иной глагол в разные моменты времени, постараться дать описание изменений в значении; таким образом нас интересует динамика значений, которую можно рассмотреть с помощью диахронического подхода. Дополнительной задачей является анализ причин,

лежащих в основе семантических изменений. Для этого также необходимо исследовать существующие виды таких изменений и механизмы, с помощью которых они происходят.

Также есть другие, не менее важные, задачи, которые нужно выполнить в рамках нашего исследования. В первой главе (теоретической), необходимо разобраться в том, чем занимается семантика как наука, какие у нее задачи, рассмотреть существующие направления, что отличает этот раздел лингвистики от остальных, а также выяснить какие бывают причины и факторы семантических изменений, а также механизм этого процесса, то есть как именно это происходит. Во второй главе (практической), нашими целями являются: дать общую характеристику литературе XIII-XVII вв. и используемым произведениям, выяснить происхождение значения каждого глагола и проследить за развитием их семантики, дав описание этому процессу на основе теоретической базы первой главы. В этой же главе мы проанализируем развитие семантики глаголов на примерах реализации их значений в текстах произведений испанской классики.

Кроме того, необходимо предоставить достаточное количество примеров из текстов для того, чтобы можно было провести более точный и подробный семантический анализ выбранных для исследования глаголов.

1.4 Материалы исследования.

Семантический анализ будет проводиться на материале одних из самых знаковых произведений испанской литературы: **«Песнь о моем Сиде»** (исп. *«Cantar de mio Cid»*), **«Трагикомедия Калисто и Мелибеи»**, также известная как **«Селестина»** (исп. *«Tragicomedia de Calisto y Melibea»* / *«La Celestina»*) и **«Хитроумный идалго Дон Кихот Ламанчский»** (исп. *«El ingenioso hidalgo Don Quijote de la Mancha»*), которые являются важными памятниками не только культуры, истории, но и языка, так как отражают его развитие на разных этапах. Выбор именно этих произведений обусловлен диахроническим

подходом к анализу семантических изменений в нашем исследовании. «Песнь о моем Сиде» старейшая испанская поэма XIII в., которая является образцом староиспанского языка (*castellano antiguo*), то есть представляет собой первый синхронический срез, который в нашей работе будет считаться точкой отсчета рассмотрения кастильского языка (если не учитывать латинский). Вторым произведением (хронологически) в нашем исследовании является «Селестина» - роман-драма эпохи Ренессанса, датируемая концом XV в. и представляющая особый лингвистический интерес, поскольку выступает в качестве синхронического среза испанского языка эпохи Возрождения (*español renacentista*), который является промежуточным этапом развития между староиспанским и классическим. Заключительным в нашем исследовании синхронным срезом является роман «Дон Кихот» Мигеля де Сервантеса, опубликованный в XVII в. и представляющий собой образец классического испанского языка (*español clásico*). Таким образом, выбранные произведения выступают в качестве достаточно обширных корпусов испанского языка на разных этапах его развития в рамках XIII и XVII вв.

1.5 Теоретическая значимость и научная новизна.

В нашем исследовании представлено подробное теоретическое описание семантики как раздела лингвистики, ее основных направлений, а также информации о причинах (социально-исторические, психологические и лингвистические) и механизмах (метафоризация, метонимизация, народная (ложная) этимология, эллипсис, расширение (генерализация), сужение (специализация), грамматикализация и лексикализация) семантических изменений.

Помимо теоретической базы, на разработку которой было посвящено уже много работ от лингвистов со всего мира, мы проводим практический анализ семантики глагольной лексики испанского языка с использованием специально выбранной литературы, позволяющей провести семантический анализ не только в статике, то есть изучить значение слова на определенном

этапе развития языка, но и в динамике, рассмотрев, как изменялось значение испанских глаголов с XIII по XVII вв.

Помимо лингвистического вклада, наше исследование может принести пользу в изучении культуры, истории испанского языка, так как семантические изменения часто связаны с культурологическими и историческими факторами. Такой анализ также может осветить психологическую сторону вопроса, ведь изменения в значении зачастую связаны с человеческим восприятием мира и языка.

2. Глава I.

Теоретические положения о семантике и семантических изменениях.

2.1 Становление семантики: от античности до «эпохи семантики».

Как мы уже упоминали ранее, семантика, а точнее даже ее объект изучения – значение, интересовало разных мыслителей, начиная с *древнегреческой философии* (Платон, Аристотель) в Европе и *древнекитайской* в Азии (Конфуций, Сюнь-цзы), где первое было ближе к современной науке и возымело бóльшее влияние на европейскую традицию, а второе смотрело на вопрос с позиции наличия «магических» свойств у знака. В книге «Лунь Юй», древнем памятнике китайской литературы, составленном учениками Конфуция, на вопрос о том, как мыслитель начнет свою помощь в качестве советника правителю, философ отвечает: «Необходимо начать с исправления имен» (Конфуций. Суждения и беседы, в пер. Кривцовой В. А.: [сайт]. URL: <https://lunyu.ru>), объясняя это далее тем, что для управления государством нужно стремиться к точности выстраивания понятий: имя должно соответствовать обозначаемому (теория «исправления имен»), иначе неизбежен хаос и беспорядок, ведь неправильное толкование слов правителя может привести к нежелательным последствиям. Такое внимание к проблеме соответствия слова и обозначаемого было вызвано стремлением разобраться в том, как слово становится обозначением какой-то вещи (Кобозева, 2000:20).

Древнегреческих философов тоже интересовал этот вопрос именно с этой точки зрения. В диалоге Платона «Кратил» основной темой для дискуссии участников является вопрос связи звука и значения в слове. Сталкиваются две позиции: имена определяются природными свойствами предметов или по установлению людей (точки зрения условности связи между звучанием и значением придерживался также Аристотель). Платон считал, что ранее между звучанием слова и обозначаемым объектом существовала

естественная связь, однако со временем она утрачивалась, становилась формальной (связь между словом и обозначаемым поддерживалась общественной традицией) и осталась лишь в остаточном виде, вроде звукоподражаний (Газов-Гинзберг, 1965).

Средневековые философы добились достаточно больших успехов в развитии вышеупомянутых идей и внесли вклад в семантику, достаточно важный для формирования будущей науки. Во-первых, было проведено разграничение между самим объектом (референтом), находящимся вне языка, и понятием объекта (означаемым), которое в уме человека ассоциируется с формой слова некоторого языка. В XII в. эту мысль развивал Иоанн Солсберийский, англо-французский схоласт, который ввел термин «*significatum*» (пер. с лат. – означаемое), таким образом обозначая понятийное содержание слова; было положено начало разработки концепции двойственности, материально-идеальном содержании слова (в более широком смысле – знака), которая сыграет ключевую роль в развитии семантики и семиотики (наука о знаковых системах). Во-вторых, предпринимались первые попытки разработки общей теории языка как системы знаков в работе «Компендий немецкого философа Николая Кузанского (Кузанский, 2012). В нём выражались идеи о первичном языке: такой системе, где знаки не нуждаются в толковании и могут быть использованы для объяснения других понятий, а также о том, что значение строится за счет комбинации смысловых компонентов – своего рода прототип будущей концепции семантического метаязыка и компонентного анализа, используемых для описания смысла.

Эпоха Просвещения интересна прежде всего тем, что многие ученые опередили свое время и предвосхитили идеи, которые будут в центре внимания лишь ближе к XX в., где они будут, по сути, открыты заново. Х. Кронассер, написавший очерк по истории семантики, относит зарождение этой дисциплины к середине XVII в., связывая это с исследованиями Дж. Локка (Kronasser, 1952). Ярким представителем этого периода, внесшим вклад

в развитие рассматриваемой нами науки, был немецкий философ, логик и языковед Г. Лейбниц. Ученого интересовала разработка искусственного языка, названного им рациональным, с помощью которого можно было бы толковать, описывать значения сложных понятий, используя более простые единицы – термы («я», «этого», «красное», «существующее», «индивидуум» и т. д.). Любопытно, что уже в это время зародилась идея о метаязыке, с помощью которого можно было бы, минуя всевозможные ограничения и неточности естественного языка, перейти сразу к смысловому уровню. Мы можем сравнить современный подход к толкованию слов и тот, что предлагал Г. Лейбниц. Например, в словаре МАС (Малый академический словарь) слово «зависть» толкуется как «чувство досады, раздражения, вызванное превосходством, успехом, благополучием другого» (Словарь русского языка в 4-х томах, 2005 : [сайт]. URL: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/0encyc.htm>), а у Г. Лейбница – «неприятное ощущение, возникающее из-за того, что кому-то хорошо – не потому, что это нам вредит, а потому, что это является чужим». То есть, мы видим, что современный подход базируется на использовании дефиниций (описание существенных и отличительных признаков) при описании значения, а метаязык Лейбница предлагает скорее описательный способ, объяснение «простыми словами», которое по сути является разложением на более простые семантические элементы (Лейбниц, 1983).

Также развитие учения о значении в эпоху Просвещения привело к рассмотрению отношений между предложением и выражаемой мыслью, то есть вышло за рамки лексического уровня. Французский теолог и философ Антуан Арно и лингвист Клод Лансло разработали первую универсальную грамматику – «Грамматика общая и рациональная». Суть этой работы заключается в идее о том, что, несмотря на большое разнообразие языков, в них существуют общие законы и структуры, основанные на логике и присущие всем мыслящим существам в принципе (Арно, Лансло, 1990). В будущем (во второй половине XX в.) эти идеи будут вновь рассмотрены и

взяты за основу семантического анализа высказываний, например, Н. Хомским в работе «Картезианская лингвистика» (Chomsky, 1966), или А. Вежбицкой, которая брала за основу идеи о рациональных языках для построения собственной семантической теории (Вежбицкая, 1999).

Веком появления семантики как науки считается XIX в, когда немецкий лингвист К. Рейзиг предлагал называть науку о значении термином – семасиология, и рассматривать ее в контексте грамматики (Reisig, 1839). В 1897 году выходит книга М. Бреалья «*Essai de sémantique*» (Bréal, 1897), ставшая настоящим прорывом в науке, хотя бы по той причине, что это первая основательная работа, посвященная именно вопросу семантики. В ней М. Бреаль дает предлагает термин «*la sémantique*», который, в итоге, станет наиболее популярным, а его «конкурент» – семасиология – станет определением для более узкого понятия – раздела семантики, изучающего переход от формы слова к мысли. Также именно в XIX в. был разработан сравнительно-исторический метод, приобретает популярность диахронический подход к изучению языка. К. Рейзиг считал, что семасиология (семантика) должна заниматься рассмотрением закономерностей в изменениях значений слов. Одним из наиболее значимых ученых, занимающийся вопросами переноса значений слов, является Г. Пауль. В работе «Принципы истории языка» (1880 г.) немецкий ученый описывает наблюдаемые им тенденции в семантических изменениях, которые остаются актуальными и в настоящее время, но стоит отметить психологический характер объяснения этих закономерностей (Кобозева, 2000:23).

Кроме того, в этот период зарождается предшественник идеи о языковой картине мира и гипотезе лингвистической относительности Сэпира-Уорфа. Лингвист В. фон Гумбольдт работал в направлении изучения связи между мышлением и языком, благодаря чему была разработана идея о существовании зависимости между конкретным языком, который использует человек и его представлениями о мире. То есть ученый предполагал, что в каждом языке

существует некая уникальная внутренняя форма, которая оказывает влияние на мышление (Гумбольдт, 1984). В этом же направлении работал А. А. Потебня в своем исследовании «Мысль и язык», в котором, помимо обсуждения проблемы связи языка и мышления, была также проделана работа над терминологией и введены многие термины (внутренняя форма слова, вещественной значение и др.), используемые по настоящее время (Потебня, 1976).

К XX в. вектор научного интереса в семантике сменился с диахронического рассмотрения языка на синхронический. Во многом это связано с ростом влияния американского структурализма (дескриптивизма), приверженцы которого считали, что рассмотрение значения языковых форм не представляет научного интереса, поскольку семантике в то время был свойственен ментализм, что означало субъективный подход к описанию значения (интроспективный). Видным деятелем этого течения в лингвистике был Л. Блумфилд, который, в отличие от последователей, не был так категоричен по отношению к значению, но справедливо отмечал недостаток эмпирических подходов к исследованиям в семантике того времени. Мнение о том, что рассматривать семантику как отдельную дисциплину не имеет никакого смысла, было подвергнуто критике и опровергнуто, поскольку были найдены более объективные методы исследования. Так, Э. Сепир в работе «Язык» выделял семантический признак в своей типологической классификации языков. Он утверждал, что язык нельзя оторвать от мышления и рассматривать его структуру, не опираясь на значение (Сепир, 1934). Синхрония также стала более интересна современной науке по той причине, что позволяет подходить к изучению языка в определенный момент его развития (часто внимание сфокусировано именно на наиболее современном «срезе» языка), а именно это нужно при разработке различных современных технологий: машинного перевода, разного рода генераторов текста, искусственного интеллекта и так далее. В XXI в. синхронический подход

конечно же более востребован в современной семантике, однако диахронический также продолжает существовать и применяется, например, при изучении эволюции языка и его состояния в разные периоды времени, при этом оба подхода отлично сочетаются и позволяют наиболее полно изучить изменения в семантике языка.

В итоге, в ходе подобных исследовательских «споров» лингвисты всего мира пришли к выводу о том, что семантику необходимо рассматривать как отдельный раздел лингвистики. Вторую половину XX в. можно охарактеризовать как начало «эпохи семантики» ведь стало ясно, что существует потребность подробно изучать значение слов и высказываний для понимания их роли в языке и в общении людей. Это оказывается полезным, например, при изучении межкультурной коммуникации и перевода, где понимание значения слов и высказываний напрямую влияет на успешность общения. Также в ходе развития семантики стали выделяться различные смежные направления, вроде прагматики, когнитивной лингвистики, нейролингвистики, социолингвистики, компьютерной лингвистики и т. д. Именно по причине такого возросшего интереса к семантике и ее широкого применения в различных научных сферах можно сказать, что со второй половины XX в. по настоящее время семантика стала центральным направлением лингвистических исследований (Кобозева, 2000:19-25).

2.2 Семантика как раздел лингвистики: определение и задачи.

Разумеется, вопрос определения семантики долгое время был объектом активных дискуссий среди лингвистов. Во многом это связано с тем, что, как мы уже писали ранее, долгое время было не совсем ясно, какие именно вопросы и проблемы должна рассматривать эта наука. Само слово происходит от греческого «*σημαντικός*» - означающий, таким образом семантика – наука о значении. Однако этого совсем не достаточно для того, чтобы точно определить предмет изучения этой дисциплины. И. М. Кобозева в работе «Лингвистическая семантика» говорит о том, что в научном сообществе

предметом изучения семантики принято считать значение языковых выражений, однако возникает вопрос о том, что вкладывается в понятие «значение», и чем оно отличается от «смысла». По итогу под значением следует понимать ту информацию, которая связывается с языковым выражением конвенционально, а под смыслом – информацию, которую связана с языковым выражением лишь в сознании конкретного носителя языка и в данный момент времени. Такая двойственность обуславливает существование двух трактовок предмета изучения семантики: узкой – объектом исследования является значение единиц языка и построенных из них языковых выражений, и широкой – изучается также смысл языковых выражений, которые находятся в определенных условиях их употребления. (Кобозева, 2000:9-15). Отсюда возникают проблемы с определением семантики, потому что нет ясности в том, где проходит граница между ней и другими дисциплинами, иногда даже экстралингвистическими. А. А. Потебня в работе «Мысль и язык» говорил о том, что недостаточно рассматривать слово «в том виде, как оно является в словарях» по той причине, что это лишь часть той информации, которую можно вложить в него. (Потебня, 1976:465-466). В живом языке, особенно в устной речи, довольно часто какое-то слово в определенной ситуации может приобретать нестандартное значение. То есть необходимо рассматривать языковые единицы в качестве носителей целого комплекса информации. Задача семантики изучать этот смысловой потенциал и определять, как различные факторы, такие как контекст, культурные нормы и социальные условия, влияют на значение языковых единиц.

В современной лингвистике принято считать, что предмет изучения семантики следует трактовать широко, то есть рассматривать всю информацию. Например, А. Е. Кибрик предлагал относить к области семантики «всю информацию, которую имеет в виду говорящий» и «которую необходимо восстановить слушающему для правильной интерпретации» (Кибрик, 1992:25). Это означает, что необходимо учитывать все аспекты

языковой коммуникации, включая как явные, так и неявные элементы, которые могут влиять на понимание сообщения (к ним можно отнести: значение конструкций, семантическую валентность, контекст, культурные и социально-политические факторы и др.). При таком подходе семантика рассматривается как область лингвистики, которая изучает смысловую сторону языка во всех ее аспектах. Тем не менее наряду с семантикой также существует такая дисциплина как прагматика; ее сторонники (например, Ч. Пирс или П. Грайс) считают, что семантика должна отвечать за анализ информации закодированной чисто языковыми средствами, а всё, что выходит за рамки лингвистики и затрагивает другие научные направления, вроде психологии или социологии, а также, например, вопросы взаимодействия в коммуникации субъекта с адресатом или ситуации общения должна изучать прагматика. Однако далеко не всегда получается четко определить, что относится к собственно языковым, а что к экстралингвистическим знаниям, поэтому, имеет смысл рассматривать прагматику как дополнительное направление внутри семантики, а не как отдельную дисциплину (Кобозева, 2000:15).

В испанской лингвистической традиции тоже можно наблюдать изменение определения семантики в сторону расширения ее предмета изучения. Если обратиться к проекту «*El nuevo tesoro lexicográfico de la lengua española*» (NTLLE) Королевской академии испанского языка (RAE) и посмотреть определения семантики в разных изданиях, начиная с 1925 года, то мы обнаружим, что вплоть до 1970 года семантику определяли как «изучение значения слов», и лишь в издании 1984 года дается следующее определение: «изучение значения языковых знаков и их сочетаний с синхронической или диахронической точки зрения» (Real Academia Española: NTLLE : [сайт]. URL: <https://apps.rae.es/ntlle/SrvltGUILoginNtlle>). Таким образом мы можем наблюдать как представления о предмете изучения семантики расширились и, в целом, стали похожими на современные: сначала

эта дисциплина ассоциировалась лишь с лексическим уровнем языка, и лишь через 60 лет было признано, что семантика изучает значение не только слов, но и других языковых знаков, а также их сочетаний.

В нашем исследовании мы будем рассматривать семантику в рамках определения, сформулированного М. А. Кронгаузом в книге «Семантика»:

Семантика – лингвистическая дисциплина, изучающая план содержания языка в целом, значение различных языковых единиц, их функционирование в языке и речи (Кронгауз, 2005:3).

Разобравшись с определением и задачами семантики, необходимо также рассмотреть какое место занимает эта лингвистическая дисциплина среди других. Система языка имеет иерархическое строение, в котором существуют следующие языковые уровни: фонемный, морфемный, лексический и синтаксический. И. М. Кобозева изображала это строение в виде таблицы (Табл. 1):

Единица	Уровень	Дисциплина
Предложение	Синтаксический	Синтаксис
Слово	Лексический	Лексикология
Морфема	Морфемный	Морфология
Фонема	Фонемный	Фонология

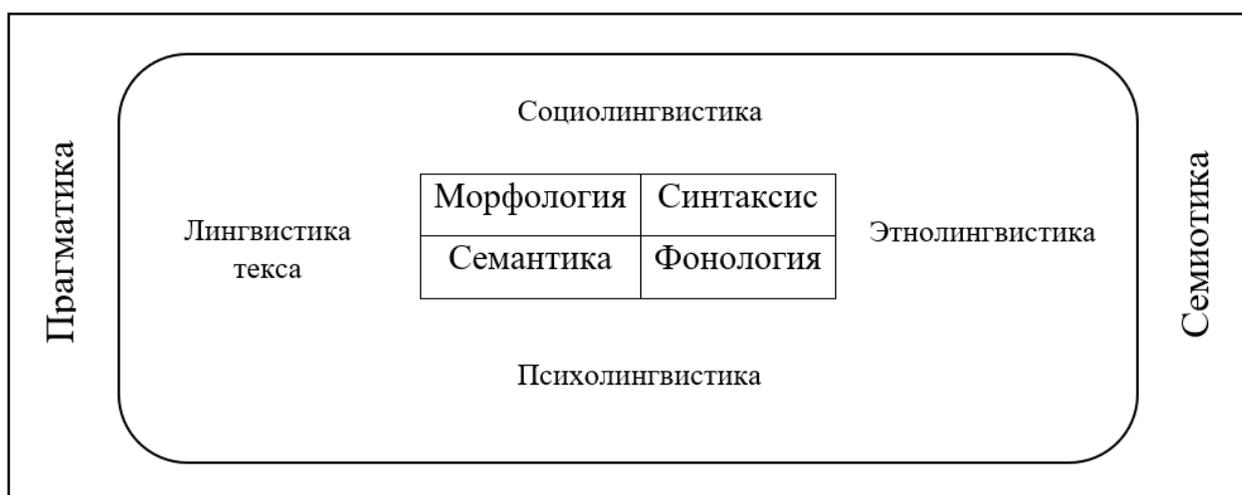
2.2. Таблица 1 – иерархическое строение системы языка по Кобозевой И. М.

Исходя из этих данных, мы можем наблюдать, что каждому уровню соответствует некоторый тип единиц, которые имеют материальное воплощение. Определить место семантики сложнее, поскольку ее единицей является значение, а оно в свою очередь, как следует из определений выше, присуще одновременно нескольким единицам языка (в принципе, семантика также связана с фонологией, если учитывать звукоподражание и звукоимитацию) (Кобозева, 2000:17). В. Б. Касевич давал этому явлению следующую характеристику: «Семантика присутствует всюду, где мы имеем

дело со знаками: знак – двусторонняя сущность, и одна из его сторон представлена именно значением». Таким образом «семантика пронизывает всю систему языка», взаимодействует с единицами других уровней, но в современной лингвистике также принято выделять чисто семантические единицы (например, семантический словарь), которые функционируют по определенным правилам, предусмотренными семантическим синтаксисом (Касевич, 1988:43-47).

Всё это позволяет нам говорить о семантике как разделе лингвистики, а также о ее ключевом значении для языка, поскольку она обеспечивает связь между разными языковыми уровнями. Из этого также следует, что в семантике можно выделять подразделы, отвечающие за каждый тип значимых единиц: морфемная семантика, лексическая семантика и синтаксическая семантика. На этом не ограничивается сфера интересов рассматриваемой нами дисциплины: зачастую количество информации, вложенной в высказывание, значительно больше, чем значимых языковых единиц (это особенно характерно для разговорного языка), например, фраза: «*hace calor aquí*» (пер. – здесь жарко); на первый взгляд она не несет какой-либо дополнительной или скрытой информации, однако в определенном контексте это может означать просьбу проветрить помещение или включить кондиционер – дополнительный смысл появляется на основе внешних факторов. Подобные случаи рассматривают в рамках семантики высказывания, либо же прагматики, где такие фразы, в которых смысл высказывания содержит некоторую коммуникативную цель субъекта речи, называют иллокутивными актами. В ходе развития семантики лингвистов также стало интересовать как формируется смысл текста из предложений, что является сложным вопросом, поскольку требует учета множества нюансов, затрагивает целый ряд языковых уровней и смежных дисциплин, вроде прагматики, это направление семантики принято называть семантикой текста.

Также, в качестве демонстрации одного из современных представлений о структуре системы языка, приведем схему, которая является изображением учебной программы по специальности «Испанский язык и литература» в университете *UNED*, представленную испанским лингвистом Хосе-Рамоном Карриасо Руисом в работе «*Manual de semántica de la lengua española*» (Сх. 1, представлена нами в переведенном виде):

2.2. *Схема 1 – иерархическое строение системы языка по Хосе-Рамоу Карриасо Руису.*

Проанализировав эту схему, мы увидим иерархическое расположение чисто лингвистических дисциплин (морфология, синтаксис, семантика, фонология), затем экстралингвистических (социолингвистика, этнолингвистика, психолингвистика, лингвистика текста), а также, как они названы исследователем, «философскими» дисциплинами (прагматика и семиотика) (José-Ramón Carriazo Ruiz, 2021:30). Несмотря на то, что эта схема предназначена для отображения программы обучения, она является примером представлений о структуре системы языка в испанской лингвистической традиции, но, конечно, в других странах подход к этому вопросу может отличаться, что, в общем-то становится ясно, если мы сравним эту схему с таблицей и комментариями И. М. Кобозевой, представленной выше (Табл. 1); например, на *схеме 1 (Сх. 1)* отсутствует лексикология в ряду лингвистических дисциплин, а лингвистика текста расположена наравне с экстралингвистическими научными направлениями. Мы предполагаем, что

такая неопределенность связана с тем, что по многим вопросам до сих пор не достигнут консенсус в научно-лингвистическом сообществе, видимо, по причине, хоть и относительно, но все же достаточно молодого возраста языкознания.

2.3 Основные направления и школы семантики.

В целом можно выделить два главных направления семантики: **сильную** и **слабую**, которые объединяют разные школы, теории и исследования по принципу понимания значения в языке:

– основная идея сильной семантики заключается в том, что значение языкового выражения можно описать путем формулирования правила, которое определяет, какой объект или ситуация в реальном мире соответствует этому выражению в действительности или в некоторой модели мира. Для этого используется формальный аппарат логических исчислений (логика высказываний), который позволяет интерпретировать языковые выражения на основе определенной модели мира. Помимо лингвистов, в разработке этого направления активно участвовали логики: У. Куайн (Quine, 1973), З. Вендлер (Vendler, 1967), Д. Дэвидсон (Дэвидсон, 1986) и другие;

– слабая семантика представляет собой подход, при котором значения языковых выражений рассматриваются как ментальные сущности, которые не принадлежат описываемому миру, а имеют отражение в сознании человека. То есть они являются не фрагментами мира, а скорее способом их представления. Для выявления этого способа представления достаточно исследовать отношения между языковыми выражениями внутри самого языка, без соотнесения с действительным или воображаемым миром, то есть посредством синонимии, включения, несовместимости, изучения особенностей сочетаемости, различных ограничений, накладываемых на ситуацию их употребления, просодические особенности и т.д.

В рамках сильной семантики выделяют, например, формальную семантику, которую стали активно применять в лингвистике благодаря грамматике Р. Монтегю, продемонстрировавшей на базе английского языка возможность логического описания не только формальных языков, но и естественных (Montague, 1974). Формальная семантика изучает значение предложений и проблему композиционности, то есть выводимость значения предложения из значений его слов. К этому же направлению можно отнести теорию референции, которую исследовала Е. В. Падучева, и которая направлена на изучение «соотнесения языковых выражений с действительностью – механизмы, позволяющие связывать речевые сообщения и их компоненты с внеязыковыми объектами, ситуациями, событиями, фактами, положениями вещей в реальном мире» (Падучева, 1985:7).

К слабой семантике можно отнести трансляционную семантику, которую описывал Э. Сааринен, и идеей которой является построение отображения естественного языка, посредством некоторого специального семантического языка с четкой структурой, таким образом языковые выражения исследуемого языка соотносятся с другими на другом языке, а не с реальным миром или моделью (Сааринен, 1986:121-122). В рамках этого направления работали также такие лингвисты как: Дж. Катц (Katz, 1964), Дж. А. Фодор (Fodor, 1975), Э. Бендикс (Bendix, 1966) и др. Анна Вежбицкая работала над так называемым «языком мысли», который является примером семантического метаязыка (Wierzbicka, 1980). Коллектив лингвистов из Московской семантической школы работали над моделью «Смысл ↔ Текст», созданной И. А. Мельчуком, которая отображает концептуальную двунаправленную связь между двумя основными элементами языка: смыслом (или значением) и текстом (формой). Эта модель предполагает, что значение выражения определяется его семантическим отношением с другими выражениями в языке без соотнесенности с миром (Мельчук, 1999). Также стоит упомянуть когнитивную лингвистику, сторонники которой (например,

Дж. Лакофф) предлагают рассматривать значение как ментальный феномен, а также стремятся «согласовывать свои объяснения человеческого языка с тем, что известно об уме и мозге как из других дисциплин, так и из... лингвистики» (Lakoff, 1990:40).

Также мы ранее упоминали, что семантика часто рассматривается лингвистами в частных подразделах, соответствующих определенному языковому уровню, например, Московская семантическая школа достигла больших успехов в развитии лексической и грамматической семантики. В рамках исследований когнитивной семантики активно развиваются морфемная и лексическая семантика. Синтаксическая семантика особо актуальна в современной лингвистике в связи с активными разработками машинного перевода, искусственного интеллекта и других компьютерных технологий, а для этих технологий необходимы точные формализованные модели языка, которые могли бы описывать смысл (или значение) единиц естественного языка – сочетание синтаксической и формальной семантики позволяет выполнять эти задачи. Следует отметить, что в настоящее время различие между сильной и слабой семантикой не является принципиально противоположным направлением исследований в области лингвистики. Напротив, многие лингвисты объединяют свои достижения в различных областях семантики, порождая тем самым новые разделы, как, например, семантика текста (Кобозева, 2000:25-29).

2.4 Семантические изменения: причины и факторы.

Язык постоянно находится в состоянии эволюции и развития, поэтому в нем постоянно происходят изменения на всех уровнях, особенно это касается семантики, об этом говорил Р. Пенни: «можно утверждать, что значение наименее устойчиво к изменениям из всех элементов, составляющих (язык)» (Penny, 2008:327). Вопросами семантических изменений слов, а в нашем исследовании мы будем рассматривать именно глагольную лексику испанского языка, во времени, то есть на диахроническом уровне, занимается

историческая семантика. Основная цель этой дисциплины заключалась в выяснении причин этих изменений, и для этого предлагались различные классификации изменений и законы с попыткой следовать модели фонетических законов неограмматиков (Llamas, 2005:19), однако такие поиски, по словам, например, С. Ульмана имели лишь «очень незначительный успех» (Ullmann, 1980:221). Далее интерес к значению и диахронии значительно снижается по причине появления других течений в семантике, как и в лингвистике в целом, и сосредоточения на синхронии, актуальном состоянии языка. Однако, несмотря на смещение интересов лингвистических исследований в пользу синхронии, тему исторической семантики продолжали изучать. Э. Эспиноза в своей работе «Семантическое изменение» пишет, что большой вклад в определение основных типов, причин, условий и природы изменений внесли А. Мейе и С. Ульман (Espinosa, 2009:159).

Всего принято выделять три типа изменений в языке, которые происходят на разных уровнях языковой системы: фонетические, грамматические (морфологический или синтаксический уровень) и лексико-семантические (Penny, 2008). Также С. Дворкин, один из современных исследователей природы лексических изменений в испанском языке, выделяет два типа семантических изменений по принципу их продолжительности: краткосрочные – связаны с актом говорения и рассматриваются на синхроническом уровне – и долгосрочные – имеют длительный эффект и изучаются в диахронии (Dworkin, 2006:68). Исходя из этого, мы можем определить, что наше исследование направлено на изучение лексико-семантического типа изменений длительного характера, то есть мы рассматриваем изменения значения слов, словосочетаний и глагольных конструкций (аналитических или лексико-синтаксических) на диахроническом уровне.

Существует много причин по которым происходят семантические изменения. Традиционно их разделяют на три большие группы (Ullmann, 1980; Blank, 1999; Espinosa, 2009).

2.4.1 Социально-исторические причины.

Семантические изменения обусловлены социально-историческими факторами, которые мы рассмотрим ниже:

а) Семантическое изменение происходит в контексте появления новых технологий или концептов, связанных с ними. Приведем примеры:

- глагол «*buscar*» – переводится с испанского как (далее – «пер.») «искать» – ранее этот глагол использовался для выражения физического поиска или поиска чего-то в пространстве, но с развитием технологий значение расширилось и стало также выражать поиск информации в интернете, как в фразе «*buscar en Internet*»;

- глагол «*compartir*» – пер. «делиться» – новое значение приобрел в контексте социальных медиа и означает публикацию информации или какого-то контента в социальных сетях.

б) Происходят изменения в обществе или культуре, которые влекут за собой расширение или ограничение значения некоторых слов. Пример:

- существительное «*matrimonio*» – пер. «брак» – до появления нового закона об однополых браках в Испании в 2004 году означало «юридически закрепленное бракосочетание мужчины и женщины», а после стало использоваться для обозначения и однополых бракосочетаний.

в) Изменение семантики слова происходит из-за влияния обществ, говорящих на других языках, что приводит к диглоссии (билингвизму), и в результате языкового контакта происходят изменения. Также это явление называют семантической калькой (приобретение словом новых значений под влиянием иностранного). Примеры:

- глагол «*pretender*» – пер. «претендовать, стремиться» – приобрел также значение «притворяться» из-за влияния английского слова «*to pretend*».
- глагол «*chatear*» (пер. – пить вино из небольших бокалов, дегустировать) приобретает значение «переписываться, болтать в интернете» из-за влияния английского глагола «*to chat*».

2.4.2 Психологические причины.

В этом случае изменения в семантике происходят из-за эмоциональных факторов. Один из наиболее изученных является табу: носитель избегает использование какого-то термина, потому что тот передает неприятную, запретную или даже неприличную идею – в этом случае приходится использовать другие слова, которые, в свою очередь, приобретают значение изначального табуизма. Зачастую эти изменения зависят от конкретной культуры, где существуют некоторые «запретные» темы, однако Р. Пенни отмечал, что, похоже, все же существуют и «универсальные константы» (Penny, 2008:331). Г. Манга пишет, что историческое происхождение табу следует искать в «вере в то, что слово – это вещь, и что при простом упоминании слова появится обозначаемая вещь. Таким образом, вначале эвфемистические причины были магически-религиозными... Сегодня же, говорящий боится не обозначаемой вещи, а коннотаций, связанных с этим словом, и возможной реакцией адресата» (Manga, 2002:107).

В таких случаях могут быть использованы два лексико-семантических средства: эвфемизм и дисфемизм. Первое – языковое средство, с помощью которого адресант использует выражение, намекающее на табуированный термин, чтобы избежать запретной реалии (здесь и далее в значении понятия, объекта, явления) как лингвистически, так и концептуально: например, вместо «*morir*» (пер. – умирать) – «*pasar a mejor vida*» (пер. – уйти в лучший мир). Любопытно, что частое употребление эвфемизма приводит к тому, что он становится более универсальным и менее специфичным, а это приводит к

снижению или ограничению первоначального значения эвфемистического термина (Penny, 2008:331). Второе языковое средство используется адресантом с целью намеренно употребить уничижительный термин, для обозначения некоторой реалии, чтобы снизить ее значимость (Real Academia Española: Diccionario de la lengua española. 23.ª ed.: [сайт]. URL: <https://dle.rae.es>). Таким образом, дисфемизм противопоставляется эвфемизму, поскольку направлен на усиление оскорбительного тона табуированного слова. Например, словосочетание «*comida basura*» (пер. – мусорная еда) для обозначения пищевого продукта быстрого питания, или слово «*telebasura*» для обозначения телевизионных программ развлекательного характера, содержание которых считается вульгарным.

С. Ульман выделял несколько видов табу (Ullmann, 1980):

а) Табу страха

Использование альтернативного слова, отличного от обычного, для обозначения реалии по причине страха, связанного с ней. В некоторых случаях считалось, что упоминание названия объекта приводит к его воплощению в реальной жизни, и по этой причине избегали подобных наименований.

Пример:

- в древности приходилось остерегаться слов, означающих «лево», потому что они ассоциировались со злом, неудачей, поэтому латинские формы «*laevus*», «*scaevus*» и «*sinister*» не сохранились в испанском языке и приняли другую форму, не происходящую из латинского («*izquierda*» происходит из баскского «*ezkerra*») (Penny, 2008). Стоит отметить, что в испанском языке есть слово «*siniestro*», которое произошло от лат. «*sinister*»: в современном языке оно имеет значение «бедствие», «порок», «ущерб», но раньше чаще использовалось для обозначения левой стороны, например, в «*Cantar de mio Cid*»: «...*de siniestro Sant Estevan, una buena çipdad*» (Poema de Mio Cid, 1913:397), пер. – «слева/по левую руку – славный город Сант-Эстебан». Если

же мы обратимся к тексту «Дон Кихота» Мигеля де Сервантеса, то обнаружим, что это слово означает нечто негативное, причем, в нашем примере, ему предшествует прилагательное «*mal*» (пер. – «плохой»), что дополнительно маркирует коннотацию: «...*que todas las yeguas de la dehesa de Córdoba no le hicieran tomar mal siniestro*» (El ingenioso hidalgo Don Quijote de la Mancha, 1883:106), пер. – «...что все кобылы пастбищ Кордовы не привели бы его (Росинанта) к пороку». Однако в тексте также употребляется слово «*siniestro*» для обозначения левой стороны, то есть уже тогда в языке существовали оба значения, но негативную коннотацию, судя по всему, необходимо было подчеркивать дополнительными средствами, вроде того, который был прокомментирован нами в примере выше.

б) Табу деликатности

Обусловлено желанием адресанта избежать выражений, которые обозначают понятия, воспринимаемые как неприятные или непристойные.

Примеры:

- Часто вместо слова «*matar*» (пер. – убивать) употребляют более мягкие или эвфемистические выражения, которые используются для смягчения психологического воздействия на адресата, например: «*liquidar*», «*darle pasaporte a alguien*», «*tumbar*» (пер. – ликвидировать, отправить на тот свет, завалить) и т.д.;

- Глагол «*defecar*» или «*cagar*» (пер. – испражняться) заменяют на выражение «*hacer sus necesidades*» (пер. – сходить в уборную, справлять нужду).

в) Табу приличия

В этом случае изменение значения слова происходит из-за попытки избежать лексики, связанной с наготой, эротизмом или имеющей сексуальный подтекст по причине скромности или стеснения. Можно привести следующие примеры:

- Для того, чтобы не упоминать некоторые части тела, которые имеют сексуальный подтекст, например, женскую грудь, часто употребляют названия фруктов: «*melones*» или «*peras*» (пер. – дыни; груши).

- Вместо словосочетания «*relaciones sexuales*» (пер. – сексуальные отношения), часто можно встретить «*relaciones íntimas*» (пер. – интимные отношения), что связано с табуированностью корня *-sexo*.

Многие из рассмотренных примеров характерны не только для испанского языка, но и для других, что подтверждает идею об универсальности некоторых семантических изменений по психологическим причинам.

2.4.3 Лингвистические причины.

Одной из наиболее частых причин изменения значения слов является ассоциативная связь между словами (Ullmann, 1980:223). Когда определенные лексемы часто употребляются вместе в одном контексте, может происходить частичный перенос значения от одного слова к другому. Любопытно, что новое значение может остаться в слове-получателе, при том, что слово-источник уже отсутствует (Penny, 2008:328).

Подобный процесс можно наблюдать в происхождении слова «*nadie*» (пер. – никто) в испанском языке. Это слово восходит к латинской фразе «*homine nātū*», которая буквально переводится как «человек рожденный». Сначала словосочетание приобрело значение «кто-угодно», а в последствии, с добавлением отрицательного наречия «*nōn*», стало означать «никто» и в этой форме пришло в средневековый испанский язык (*castellano medieval*). Таким образом процесс семантического изменения можно записать так: лат. *homine nātū* (пер. – человек рожденный ~ любой, кто-угодно) > ср. исп. *omne nado* (пер. – никто, ни одного) > класс. исп. *nado* (пер. – никто) (тут произошло выпадение формы «*omne*» в результате эллипсиса) > современный исп. *nadie*.

Принято выделять следующие лингвистические факторы семантических изменений:

а) Фактор неопределённости границ

Семантические изменения обусловлены внутренней особенностью некоторых лексических единиц, относящихся к реалиям с расплывчатыми, неопределенными границами. Такое отсутствие ясного определения границ (становится трудно отделить часть от целого), приводит к изменениям значения. Зачастую, и не только в испанском языке, такие изменения в семантике можно наблюдать в словах, обозначающих части тела. Например:

- Слово «*brazo*» может означать как плечо (то есть, часть конечности от плечевого сустава до локтя), так и руку в целом. Однако в греческом языке, из которого это слово пришло в испанский язык, лексема «*βραχίον*» (букв. пер. – короче) означала именно верхнюю часть руки. Это произошло из-за недостаточно очевидной границы между плечом и предплечьем, что привело к изменению семантики слова «*brazo*», которым стали обозначать всю верхнюю конечность.

- Приведем пример, не связанный с частями тела, но также основанный на проблеме определения границ между частью и целым. Слово «*calle*» (пер. – улица) можно употребляться для обозначения не только дорожного покрытия, пространства для движения автомобилей или пешеходов, но также для обозначения всего пространства между домами для прохода, включая дорогу, тротуар и сами дома.

б) Фактор двусмысленности

Семантическое изменение связано с наличием у лексической единицы несколько трактовок (смыслов, то есть ситуативных, а не постоянных значений), которые могут реализоваться в определенном контексте. К примеру:

- У предложения «*Ayer vi al perro de Juan*» (букв. пер – Вчера я видел собаку/пса Хуана) есть два возможных толкования, поскольку существительное «*perro*» (пер. – собака, пёс) может быть идентифицировано как «прирученное млекопитающее, собака», и таким образом означать домашнее животное, которое принадлежит Хуану, или же, преимущественно в разговорной речи, «*perro*» можно трактовать как оскорбление («паршивец») в сторону Хуана, то есть в некоторых контекстах оно приобретает пейоративный смысл. Это является примером краткосрочного семантического изменения (Dworkin, 2006).

- Другим примером может послужить двусмысленность, заложенная в слово «*santa*» (пер. – кровать), которое означает предмет мебели для сна, но в переносном смысле также употреблялось для обозначения гробницы, усыпальницы. Сейчас это употребление считается устаревшим, что можно трактовать как потерю связи, ранее более очевидную в сознании людей, между понятиями сна и смерти для современного носителя испанского языка.

в) Полисемия

Изменение в значении происходит из-за многозначности (полисемантической) лексической единицы. Рассмотрим примеры:

- Латинское слово «*cilium*» использовалось для обозначения разных частей глаза, таких как: «бровь», «веко» и «ресницы». То есть, оно было полисемантически – имело три значения. Однако, перейдя в испанский язык, в нем сохранилось лишь одно – «бровь» (исп. *ceja*). Интересно, что во французском, итальянском и португальском слова, произошедшие от «*cilium*», изменились в семантике иначе – сохранили значение «ресницы».

- Похожая ситуация на предыдущий пример произошла с латинским словом «*bissa*», которое изначально обозначало «щеки», «рот», «челюсть», но в испанском языке осталось лишь в значении «рот» (исп. *boca*).

г) Омонимия

Сосуществование слова, совпадающих по форме, хотя имеющих разную этимологию, может привести к семантическим изменениям. Пример:

- Вариации в фонологической системе испанского языка, например такое явление как «сесео» («*seseo*»), приводят к образованию омофонов (фонетические омонимы – слова схожие по звучанию, но разные по написанию и значению), что создает ситуации, в которых носители пытаются как-то разграничить схожие по звучанию формы, используя синонимы. Рассмотрим глаголы «*cocer*» (пер. – варить), «*coser*» (пер. – шить) и «*cocinar*» (пер. – готовить пищу). Для некоторых вариантов и диалектов испанского языка характерно отсутствие разницы между межзубным фрикативным «θ» (как в слове «*cocer*») и альвеолярным фрикативным «S» (как в слове «*coser*»), звук «S» в этих вариантах полностью заменяет «θ». Это приводит к тому, что в разговорной речи слово «*coser*» не отличить от «*cocer*» на слух (лишь в контексте, но это не всегда представляется возможным), поэтому, вместо слова «*cocer*», стали использовать его синоним «*cocinar*». В результате глагол «*cocinar*» приобретает уже более узкое значение «варить», хотя, по сути, оно уже включено в его более общее значение «готовить пищу». Эти колебания происходят от нестабильных и неоднозначных употреблений, которых система языка пытается избежать путем внесения изменений на семантическом уровне.

д) Мотивация (мотивированность) и демотивация

Согласно П. Гиро, с диахронической точки зрения все слова этимологически мотивированы, но с синхронической – их мотивированность относительна. В исследовании семантических изменений П. Гиро называет «затенением мотивации» невозможность определить исторически возникший мотив каждого слова в языке (Guiraud, 1960:22). Таким образом, демотивация может привести к образованию нового значения или к утрате первоначального. Пример:

- В староиспанском языке (*español antiguo*) вместо современной формы «*ardilla*» (пер. – белка) существовало слово «*harda*», и из-за демотивировки названия, носители не могут распознать, что «*ardilla*» - уменьшительная форма архаизма «*harda*». Выбор уменьшительного суффикса был формальным отражением мотива, который привел к тому, что белку классифицировали как грызуна меньших размеров, чем другие животные ее вида. Со временем был потерян как мотив, так и первоначальное значение уменьшительного суффикса *-illa*. В итоге слово «*ardilla*» было лексиколизировано (стало лексемой, отдельной единицей, а не вариантом слова «*harda*») (Montero, 2008).

е) Языковой контакт

Сосуществование нескольких языков может привести к изменениям в семантике в любом из контактирующих языков. Рассмотрим следующий пример:

- Существительное «*café*» в испанском языке имеет арабское происхождение (из классического араб. - *qahwah*) и пришло через итальянский (ит. - *caffè*) в значении напитка из кофейных зерен. Однако под влиянием английского языка (англ. – *café*) его значение изменилось, и слово стали употреблять также для обозначения места, где продают кофе – кофейни (Real Academia Española: Diccionario de la lengua española. 23.ª ed.: [сайт]. URL: <https://dle.rae.es>).

Рассмотрев несколько причин и факторов семантических изменений, необходимо также определить, каков механизм изменений в значении, то есть, как именно происходит этот процесс.

2.5 Механизм семантических изменений.

Для практического анализа семантических изменений в лексических единицах необходимо рассмотреть, что порождает их, то есть – механизмы или принцип работы. Р. Пенни описывал эти механизмы для создания

типологии семантических изменений (Penny, 2008). Нами будут рассмотрены следующие: метафоризация, метонимизация, народная этимология, эллипсис, расширение (генерализация), сужение (специализация), грамматикализация и лексикализация.

2.5.1 Метафоризация значения.

О метафоре рассуждал еще Аристотель – он утверждал, что разум и окружающая реальность тесно связаны благодаря нашему восприятию мира через органы чувств, а язык – средство, посредством которого выражается мысль. Это понимание метафоры сохранялось в литературе на протяжении веков (Martínez-Dueñas, 1993:31-48), где она используется как стилистическое средство. Но также, в аристотелевской трактовке метафора пришла и в лингвистику, а именно в диахроническую семантику для изучения изменения значения (Llamas, 2005:17-42). С. Ульман характеризует метафоризацию значения, как процесс трансформации, основанный на сходстве смысла (Ullmann, 1980:234-246). Также ученый работал над классификацией по различным признакам, которую мы рассмотрим ниже:

а) Антропоморфные метафоры

- Один из наиболее распространённых типов метафор во всех языках и культурах. Их в свою очередь можно разделить на две подгруппы, относительно того, какое положение в метафоризации занимает человеческое тело – исходное положение, то есть откуда происходит перенос значения (область источника) или, наоборот, принимающее положение (область цели):

1) тело - область источника: *seja de una colina* (пер. – вершина (букв. лоб) холма), *costillas de una bóveda* (пер. – ребра свода/арки), *boca de un río* (пер. – устье (букв. рот) реки) и т.д.;

2) тело – область цели: *nuez de la garganta* (пер. – кадык (букв. орех горла)), *globo del ojo* (пер. – глазное яблоко), *tímpano del oído* (пер. – барабанная перепонка (букв. ушной тимпан)).

б) Животные метафоры

• Еще один популярный источник образов, который также, по аналогии с антропоморфным, подразделяется на две подгруппы:

1) животные – область источника (часто названия трав): *barba de cabra* (пер. – козлобородник (растение «*Tragopogon porrifolius*»), *pata de gallo* (пер. – элевсина индийская (букв. гусиная лапка));

2) животные – область цели (часто наименование людей в ироничном смысле): *perro* (пер. – паршивец (букв. собака)), *burro* (пер. – дурак (букв. – осёл)), *paragaуо* (пер. – болтун, стукач (букв. попугай)).

в) Метафоризация от конкретного к абстрактному

• Процесс, при котором нечто абстрактное воспринимается в терминах чего-то конкретного. Г. Перес писал о том, что результаты такой метафоризации «непредсказуемы и варьируются от простого метафорического переноса до создания нового, которое может вытеснить исходное или сосуществовать с ним» (González, 2017:927). Примером такого процесса является употребление слова «*manantial*» (пер. – родник, источник, ключ) в значении происхождения чего-то (*origen de algo*).

г) Метафоры органов чувств (синестетические)

• Метафоризация основана на переносе одного ощущения (зрение, слух, обоняния, вкус, осязание) на другое: *voz cálida* (пер. – теплый голос), *soledad sonora* (пер. – звонкое одиночество), *mirada dulce* (пер. – нежный взгляд).

2.5.2 Метонимизация значения.

Метонимия (замена одного слова другим на основе связи их значения по принципу смежности) представлялась менее привлекательным явлением, чем метафора (Taylor, 1989:122), возможно по той причине, что, в отличие от метафоры, «она не создает новых отношений, а возникает между словами, уже связанными друг с другом» (Ullmann, 1980:246). С. Ульман включал

метонимию в группу элементов, которые характеризуют природу семантического изменения; как и для метафоры, ученый предложил классификацию для метонимии:

а) Пространственные метонимии

- Обозначение одного элемента переходит на другой, с которым первый находится в близком контакте. С. Ульман приводит пример метонимии, произошедшей с латинским словом «*bisssa*», которое мы рассматривали ранее, но здесь важен тот факт, что раньше это слово означало «щеки», а позже стало обозначать также «рот», потому что это «две смежные части нашего тела без определенных границ между ними» (Ullmann, 1980:247).

б) Темпоральные метонимии

- Метонимический перенос основан на временной связи. Например, испанское существительное «*misa*» (пер. – месса, богослужение), которое изначально было частью фразы, произносимой в конце католической религиозной службы («*Ite, missa est*»), а позже стало обозначать всю церемонию.

в) Название частного переносится на общее (синекдоха)

- Один из наиболее частых случаев метонимизации, который заключается в назывании объекта или индивида с помощью обозначения, относящегося к одной из его частей, а не к целому. Например, название «*casco azul*» (пер. – голубые каски) для обозначение военных сил ООН (García-Borrón, 2013:82).

г) Метонимия по имени изобретателей и первооткрывателей

- Часто изобретения или открытия называют в честь людей, которые их, соответственно, создали или открыли. К примеру, существительное «*amperio*» (пер. – ампер (единица силы электрического тока)) получило свое название в честь Андре-Мари Ампера.

д) Метонимия по месту происхождения

- Обозначение реалии происходит от названия места, где она была создана, выращена или приготовлена. Такие названия вин в испанском как: «*champán*», «*mendoza*», «*ribera*» и «*rioja*» происходят от названий регионов, где они производятся.

е) Метонимия по человеку, который пользуется чем-то

- Метонимизация, при которой предмет, часто одежда, называется по имени человека, который его использует. Например, существительное «*rebeca*» (пер. – женский кардиган) названо по имени главной героини фильма «Ребекка» А. Хичкока, которая носила этот вид одежды. Также, словом «*zamarrones*» называются участники различных сельских карнавалов на север Испании, и это связано с тем, что они носят безрукавку из меха, которая называется «*zamarra*» (деревенский вид одежды, сделанный из кожи с шерстью) (Real Academia Española: Diccionario de la lengua española. 23.ª ed.: [сайт]. URL: <https://dle.rae.es>).

2.5.3 Народная (ложная) этимология.

Народная этимология – это процесс изменения формы слова, в результате ошибочного понимания его этимологического состава. В целом, это явление является результатом притяжения паронимов (Veny, 1990:138) и в лингвистике называлось по-разному: ассоциативная этимология, статическая этимология и т. д. К. Балдингер формулировал отличие народной этимологии от научной следующим образом: "(народная этимология) устанавливает спонтанную, субъективную этимологическую мотивацию. Она не нуждается в научном аппарате. Она исходит из синхронных этимологических отношений» (Baldinger, 1986:15). Несмотря на то, что большинство форм, возникших в результате народной этимологии, ассоциируются с разговорным стилем, некоторые из них получили широкое распространение и были приняты

нормой. Семантически народную этимологию можно разделить на две основные группы:

а) Сохранение значения и изменение сигнификата

- В таких случаях связь между формами различной этимологии является формальной. Значение одного из терминов влияет на сигнификат другого. Например, средневековое испанское (*castellano medieval*) слово «*berrojo*» (пер. – замóк) посредством народной этимологии превращается в современное слово «*cerrojo*» (пер. – замок, засов), благодаря семантическому сходству средневекового слова с глаголом «*cerrar*» (пер. – закрывать).

б) Изменение значения и сохранение сигнификата

- В этих случаях форма слова не меняется, но семантическая интерпретация не соответствует этимологии термина. Фраза «*hacerse el sueco*» (букв. пер. – притворяться шведом) толкуется через народную этимологию как «делать вид, что не понимаешь», что связано с незнанием испанского языка, которое может быть характерно для человека из Швеции. Однако, согласно DLE (Real Academia Española: Diccionario de la lengua española. 23.ª ed.: [сайт]. URL: <https://dle.rae.es>), это разговорное выражение происходит от латинского слова «*soccus*» (пер. – деревянный башмак) (García-Borrón, 2013:82).

2.5.4 Эллипсис.

Этот механизм заключается в утрате одного из составных элементов конструкции, образованной более чем одним сигнификатом, в результате чего сохранившееся слово принимает то значение, которое имел исчезнувший сигнификат. Это объединение значений, обусловленное смежностью обоих элементов на уровне плана выражения (García-Borrón, 2013:92). Примеры такого типа можно анализировать как с диахронической точки зрения, так и с синхронической. Латинское словосочетание «*nux abellana*» (пер. – лесной орех) дало в испанском слово «*avellana*» (пер. – лесной орех), а «*cereōla pruna*» (пер. – слива цвета воска) сократилась до «*ciruela*» (пер. – слива). Примером

подобного процесса в синхронии можно считать сокращение словосочетания «*teléfono móvil*» (пер. – мобильный телефон) до одного слова «*móvil*» (пер. – мобильник).

2.5.5 Расширение (генерализация).

Это явление представляет собой расширение (генерализацию) значения, которое подразумевает изменение конкретного значения слова на более общее вследствие утраты семантических признаков. Р. Пенни приводит в пример латинский глагол «*stāre*» (пер. – стоять (букв. – стоять на ногах)), который, при переходе в испанский глагол «*estar*», утрачивает свою конкретность, специфику и его значение расширяется до «быть, находиться» (Penny, 2008). Впоследствии это семантическое изменение позволило испанскому глаголу использоваться в гораздо большем количестве контекстов, чем латинскому в его исходном значении.

2.5.6 Сужение (специализация).

Обратный расширению процесс, в ходе которого слово переходит от использования в очень широком смысле к более узкому, что, соответственно, уменьшает и количество контекстов, в которых его можно употреблять. Согласно Р. Пенни, семантическое сужение встречается чаще, чем расширение (Penny, 2008:340). В качестве примера приведем сужение значения латинского слова «*cognatu*» (пер. – родственник), которое в испанском ограничило группу референтов, к которым оно может быть применено до «муж/жена брата/сестры (зять, сноха)» (исп. *cuñado/a*).

2.5.7 Грамматикализация.

При грамматикализации и лексикализации изменения в значении происходят на уровне лексики и грамматики. В целом, грамматикализация предполагает процесс языковых изменений, при которых единица с лексическим значением приобретает грамматическое. Г. Гарачана пишет о том, что на семантическом уровне это подразумевает, что «слова перестают

описывать более или менее конкретные сущности внешней реальности и начинают выражать грамматические, процедурные значения, а значит, более абстрактные, чем те лексические значения, от которых они произошли» (Garachana, 1999:160). В качестве примера можно привести грамматикализацию латинского глагола «*habēre*» при переходе в испанский язык: глагол утратил значение обладания и сохранил свое употребление лишь в качестве вспомогательного глагола, а также экзистенциальное значение («иметься/быть»). В других же родственных языках, вроде итальянского и французского, этого процесса не произошло и глагол, помимо вспомогательной (грамматической) функции, сохранил свое изначальное значение.

Кроме того, грамматикализацией еще называют процесс, в результате которого слово, уже имея грамматическое значение, приобретает новое. Часто в пример приводятся латинские демонстративные местоимения «*ille*» (пер. – тот), «*illa*» (пер. – та), которые после перехода в испанский язык стали определенными артиклями (исп. *el, la*). Основным механизмом грамматикализации является реанализ, который «влечет за собой реструктуризацию, когда он происходит, и, тем самым, преобразование данной структуры в другую без обязательного изменения ее внешней формы» (Buenaftentes, 2007:14). Причины грамматикализации кроются в неоднозначности языковой единицы, в том, что она не интегрирована в соответствующую парадигму, а также в частоте ее употребления – чем чаще она используется, тем больше вероятность ее изменения (Companu, 2003:41-42). Процесс этот постепенен и является диахроническим по своей природе, поэтому он часто представлен цепочками грамматикализации (Cifuentes, 2003; Heine, Claudi, Hünnemeyer, 1991). В качестве дополнительного примера можно привести переход от использования формы «*mente*» в качестве существительного к его использованию как наречного суффикса *-mente*. Это существительное, уже использовавшееся в латинском языке со значением

«ум/разум», грамматикализуется при переходе в романские языки из поздней латыни, когда оно стало использоваться для обозначения способа или манеры выполнения чего-либо, пока не превратилось в наречный суффикс в современном испанском: «*cortésmente*» (пер. – вежливо), «*liberamente*» (пер. – свободно).

2.5.8 Лексикализация.

Как и в случае грамматикализации, лексикализацию можно рассматривать с разных точек зрения. Согласно К. Буэнофуэнтес, лексикализация в широком смысле – «любое изменение в языке, которое включает добавление нового элемента в лексикон». Исследовательница добавляет, что грамматикализация должна рассматриваться в этом смысле как разновидность лексикализации. В более узком смысле – «лексикализация преобразует грамматический элемент в лексический». При такой трактовке этот процесс может рассматриваться с точки зрения морфологии или синтаксиса (Buenaftentes, 2007:34-35).

На морфологическом уровне можно отметить множество уменьшительных дериватов (производных слов), в значении которых утрачено исходное уменьшительное значение, которое аффикс привносит в основу. В этих случаях дериват переосмысливается с другим значением, отличным от того, которое отражено в семантике суффикса, и лексикализация затрагивает морфемы. Например, в слове «*cochecito*» (пер. – детская коляска) мы можем наблюдать, что значение не является составным, то есть рассматриваемое слово не означает какой-нибудь «маленький автомобиль» (как можно было бы сказать, если бы значение являлось составным: *coche* (пер. – машина) + *-cito* (уменьшительный суффикс)), а служит названием для другого типа средств передвижения, что демонстрирует потерю суффиксом своего значения.

На синтаксическом уровне лексикализация происходит, когда «лексическая единица формируется из синтаксической единицы», что

предполагает «постепенную потерю грамматической независимости у компонентов выражения» (RAE y ASALE: Glosario de términos gramaticales, 2019). На заключительном этапе процесса, лексикализованная синтагма выступает как лексическая единица во всех аспектах, то значение перестает быть композиционным (составным). К примеру, лексическая единица «*correvedile*» (пер. – сплетник, доносчик) произошло из синтагмы «*corre, ve y dile*» (букв. пер. – беги, иди и скажи ему/ей).

2.6 Выводы.

В рамках теоретической части нашего исследования, мы рассмотрели историю развития семантики от античности, где она была представлена скорее в виде философских идей на тему значения, до момента зарождения непосредственно науки о значении в XIX в. и "эпохи семантики" в XX-XXI вв., когда семантика стала одним из ведущих разделов лингвистики. Также нами был рассмотрен ряд основных деятелей и их работ, которые внесли значительный вклад в развитие семантики. Мы уделили большое внимание вопросу определения семантики, ее положению относительно других разделов языкознания, а также основным задачам, которые ставятся перед этой дисциплиной. Кроме того, в нашем исследовании представлены сведения об основных направлениях и школах семантики как отечественных, так и иностранных. Отдельный параграф посвящен вопросу семантических изменений, поскольку главной целью нашего исследования является изучение развития семантики испанской глагольной лексики. Нами были рассмотрены основные причины и факторы этих процессов – не только лингвистические, но также социально-исторические и психологические. Для дальнейшего практического анализа семантических изменений нам необходимо рассмотреть механизмы этих процессов, то есть как именно они происходят, и для этого мы исследовали типологию, в которую входят: метафоризация, метонимизация, народная (ложная) этимология, эллипсис, расширение (генерализация), сужение (специализация), грамматикализация и

лексикализация. По каждому нами было дано описание с примерами таких процессов в испанском языке.

Таким образом, мы рассмотрели основные теоретические положения о семантике и семантических изменениях и, на основании этой базы, сможем приступить к практической части нашего исследования, где проведем анализ семантических изменений в испанской глагольной лексике.

3. Глава II. Практический анализ семантического развития испанской глагольной лексики на материале литературы XIII-XVII вв.

3.1 Общая характеристика и контекст произведений литературы XIII-XVII вв.

Выбранные нами в качестве материала исследования литературные произведения охватывают достаточно большой временной промежуток: каждое представляет собой синхронический срез испанского языка на разных этапах его развития. «Песнь о моём Сиде» позволяет нам ознакомиться с тем, как язык выглядел в период Средневековья, «Селестина» является срезом эпохи Возрождения, а «Дон Кихот» образец почти современного испанского языка (для современного носителя языка чтение произведений М. Сервантеса не вызовет серьезных трудностей, в отличие от прочтения оригинального (неадаптированного) текста «Сида»). Диахронически, мы сможем наблюдать процесс развития языка на протяжении, приблизительно, 300 лет.

Перед тем как приступить к семантическому анализу глагольной лексики в этих произведениях, необходимо дать общую характеристику литературе этого периода, а также хотя бы минимальный исторический контекст, что поможет нам подойти к вопросу изменений значения более основательно. Дело в том, что семантика, как мы писали в теоретической части нашего исследования, тесно связана с различными экстралингвистическими факторами, которые нужно учитывать при анализе; исторические события, социальная, политическая и культурная ситуации – контекст эпохи, оказывающий влияние на восприятие значения тех или иных лексических единиц, предложений или даже целых текстов.

Согласно З. И. Плавскину, в период XIV-XVII вв. испанская литература прошла следующие этапы (Плавскин, 1985):

1. Литература Позднего Средневековья (с XIV в.);

2. Литература раннего и зрелого Возрождения в Каталонии (1400-1475 гг.);
3. Литература раннего общеиспанского Возрождения (1475-1550 гг.);
4. Литература зрелого и позднего Возрождения Испании («*el Siglo de oro*»; пер. – «Золотой век») (1550-конец первой трети XVII в.).

Социально-историческое развитие в период Средневековья на Пиренейском полуострове происходило своеобразно, не похоже на соседние феодальные державы. Во многом это было обусловлено долгим процессом освобождения территории современной Испании от мавров – Реконкистой. Развитие феодализма происходило медленно, социальное расслоение не было таким явным как, например, во Франции, естественные этнические и государственные границы были размыты. В этот же период происходит активное взаимодействие между литературами разных пиренейских народов: кастильским, каталонским, галисийским, баскским, а также постоянный контакт с достижениями в этой сфере других стран. Каждый народ имел свои культурные достижения, которые позже станут общеиспанским достоянием, так, например, в XII-XV вв. галисийско-португальская культура и язык оказывали большое влияние на кастильскую (Плавский, 1985). Если в европейской средневековой существовало разделение на народное творчество (фольклор), клерикальную, рыцарскую и городскую литературу, то в Испании выделяли лишь два направления: народная литература (в устной форме – «*mester de juglaría*») и «ученая» (письменная – «*mester de clerecía*»). Важно понимать, что это разделение очень условно – сложно отделить одно от другого, поскольку не было четких границ между высокими и низкими жанрами, что для нашего исследования скорее хорошо, поскольку это означает отсутствие большой лингвистической разницы между обоими направлениями, а это, в свою очередь, позволит более объективно изучить семантическую сторону языка периода Средневековья.

После формирования единого Испанского королевства в XV в. (1479 г.) начался рост экономики в стране, формирование дворянства образца других европейских королевств, увеличение влияния Кастилии над всеми остальными областями Испании: кастильская культура и язык начали становиться ведущими в государстве. Литература эпохи Возрождения формируется на испано-кастильском языке. В качестве доказательства высокого статуса именно у этого варианта испанского языка можно привести тот факт, что в 1492 г. была создана первая грамматика кастильского языка – «*Gramática castellana*» Антонио де Небрихи, где были изложены основные грамматические правила, задан курс на стремление добиваться соответствия между устной и письменной речью (Небриха писал так: «Мы должны писать так, как мы произносим, и произносить так, как мы пишем»). (Serrano, 1982:19-20)), описаны части речи и др. В прологе этой работы грамматист пишет о необходимости переходить на использование кастильского языка во всех сферах жизни, поскольку латинский становился все менее актуальным и доступным (летописцы и историки того времени все еще писали на латыни, которая, как предвосхищал ученый, выйдет из употребления, уступив испанскому). Небриха пишет о полезности своей «Грамматики» еще и для тех, кто хотел бы изучить латинский язык, поскольку, овладев грамматикой родного (кастильского) языка, то латынь дастся ученику: «*no digo io en pocos meses, más aún en pocos días, y mucho mejor que hasta aquí se deprendía en muchos años*» (Proyecto Ensayo Hispánico: Prólogo a la gramática de la lengua castellana : [сайт]. URL: <https://www.ensayistas.org/antologia/XV/nebrija/>), пер. – «не просто за несколько месяцев, но за несколько дней, и гораздо лучше, чем когда на это тратят целые года». С точки зрения лингвистики это говорит нам о том, что кастильский язык конца XV в. был, с одной стороны, еще довольно близок к своему предку, но с другой – достаточно самостоятелен, чтобы иметь собственную грамматику. В качестве еще одного фактора, оказавшего заметное влияние на испанскую литературу и язык, можно назвать эпоху Великих географических открытий, которую начал Христофор Колумб,

открыв американский континент в 1492 году, и в ходе которой Испания играла ключевую роль. В ходе конкисты, испанцы столкнулись с необычной природой, взаимодействовали с культурой различных индейских народов, что, разумеется, отразилось на литературе: в пример можно привести многочисленные хроники конкисты под авторством разных колонизаторов. Языки индейцев тоже повлияли на испанский, так как это взаимодействие стало причиной появления, например, большого количества лексических заимствований («*canoas*», «*tabaco*», «*maíz*» – слова индейского происхождения) или изменений в значении некоторых слов (слово «*indio*» изначально служило определением к населению Индии, но в ходе конкисты его семантика была расширена по причине известной ошибки, и, в результате, так стали называть в том числе коренное население Америки).

Вторая половина XVI в. – начало XVII в. – период наивысшего расцвета испанской литературы, также известный как Золотой век. Были сформированы основные жанры литературы эпохи Ренессанса. Наблюдается активное развитие драматургии, благодаря творчеству Лопе де Веги, Руиса де Аларкона, Кальдерона и др. Мигель де Сервантес, написавший «Дон Кихота» в 1605 году, положил начало развитию реалистических тенденций в литературе. Лирика и новелла были вытеснены национальной драмой и социально-бытовым романом. Несмотря на такой подъем, испанское общество переживает глубокий идеологический кризис: гуманистические идеалы эпохи Возрождения не совпадают с реальностью, культ природы не сочетался с идеями формирования идеального человека. Также на литературу все же оказывалось давление со стороны церкви, которая хотела сделать из нее «проповедницу религиозной морали» и подвергала авторов жесткой цензуре (Балашов, Степанов, 1987). Язык того времени лингвисты называют «языком Сервантеса», но и до сих пор это выражение остается синонимом испанского языка. Это обусловлено тем, что «Дон Кихот» стал образцом литературного, стандартизованного кастильского благодаря тому, что Мигелю де Сервантесу

удалось объединить разговорный и «высокий» испанский, а также много современных и архаичных форм, показав тем самым весь потенциал языка и отразив разные его проявления (реалистический подход не только к жанру, но и к языку). На вопрос «является ли «языком Сервантеса» современный испанский», исследователь Агустин Риверо Франютти отвечает: «несомненно, да», добавляя, что это «идеал, который ищет баланс между народным и культурным, между спонтанной речью и нормативным (грамматическим), стандартизированным языком, по-прежнему актуальный для эффективного использования как письменной, так и устной речи в нашем технологичном, глобализованном и пандемичном XXI в.» (Franyutti, 2021:9-10).

Рассмотрев общую характеристику и контекст литературы периода XIII-XVII вв., мы хотели бы перейти к общему описанию конкретных произведений, выбранных нами в качестве материала исследования.

3.1.1 «Песнь о моём Сиде».

«Песнь о моем Сиде» довольно проблематично определить к конкретному периоду Средневековья, поскольку старейшая сохранившаяся, хотя и не в полном виде, рукопись датируется XIV в. (1307 г.), однако приблизительной датой создания принято считать начало XIII в. (согласно работе Р. М. Пидалья (Pidal, 1913:8), а также некоторых других исследователей, например, Дж. Фицморис-Келли (Fitzmaurice-Kelly, 1921:47) и Г. Бренана (Brenan, 1953:36), «Сид» был написан около 1140 г., однако не все современные исследователи соглашались с этой оценкой, предлагая более поздние даты) (Dworkin, 2018:13). То есть, можно сказать, что это произведение находится на стыке двух периодов: Высокого и Позднего Средневековья.

Изначально, испанский эпос представлял собой короткие лирико-эпические песни, восхваляющие героические события или подвиги, которые сочинялись свидетелями, то есть как правило самими воинами, тех или иных

действий. Позже все эти творческие наработки в устной форме перенимались хугларами (бродячие исполнители героического эпоса), и уже благодаря им, приблизительно с X в., создавались так называемые «*cantares de gesta*» (пер. – песни о героических подвигах), к которым относится «Песнь о моем Сиде». С этого момента можно говорить о зарождении кастильского национального самосознания и отделения испанского языка от латинского, поскольку кастильский существовал теперь не только в устной речи, но и в литературной форме (Смирнов, 1969). Это важная информация для нашего исследования, поскольку подтверждает обособленность испанского языка периода XIII в. от латинского.

«Сид» - ценнейшая поэма испанского народного эпоса. Ф. Шлегель говорил, что такое произведение «ценнее для нации, нежели целая библиотека литературных произведений» (Schlegel, 1818:343). В целом героическому эпосу Испании характерен реализм, в отличие, к примеру, от достаточно приукрашенного французского, и большое внимание к политической обстановке, что помогает передать «дух» эпохи более достоверно. Говоря о тематике «Песни о моем Сиде», можно назвать такие темы, как феодальная раздробленность, которая приносит большое количество проблем для королевства, реконкиста – борьба народа с захватчиками-маврами за родные земли, и стремление сделать Кастилию свободным, самостоятельным и сильным государством (Смирнов, 1969).

Это произведение интересно нам как синхронический срез испанского языка периода Средневековья. Согласно Р. Пидалью, в «Сиде» представлен **староиспанский язык** («*español antiguo*», «*castellano antiguo*» или «*español medio*») – это определение мы будем использовать в дальнейшем при семантическом анализе примеров из испанского языка данного периода (Pidal, 2007:489-661).

3.1.2 «Трагикомедия Калисто и Мелибеи» («Селестина»).

«Селестину» жанрово относят к роману-драме. Как и в случае с «Сидом», автор «Трагикомедии» изначально анонимен, но, в последствии, удалось установить, что автором, по всей видимости, является ученый юрист Фернандо де Рохас, однако все еще остаются вопросы к тому факту, что стилистически некоторые части произведения отличаются, что может говорить о работе нескольких авторов. Произведение было написано в 1499 году и изначально состояло из 16 актов, однако через несколько лет было выпущено другое издание, в которое добавили еще пять. «Селестина» по структуре текста состоит из диалогов, но эта форма была выбрана не для постановки на сцене, а с целью лучше отобразить характеры героев (Плавский, 1985; Pidal, 2007:673-679).

Во-первых, «Трагикомедия Калисто и Мелибеи» интересна нам как произведение, характерное для эпохи Возрождения: темы гуманизма, сословного неравенства, ценности высоких чувств человека, например, непорочной, бесценной и спасительной любви, обреченной быть разрушенной алчностью, лицемерием и другими человеческими пороками. Именно «Селестина» повлияла на зарождение национальной драмы, а также развивала тенденцию к смешению «высоких» и «низких» жанров прозы (это сильно отличает ее от других произведений эпохи Ренессанса), этот прием достигнет своего пика в «Дон Кихоте» Сервантеса. Всё это демонстрирует культурный срез эпохи и помогает нам лучше понять контекст того времени (Плавский, 1985).

Во-вторых, «Селестина» представляет интерес с лингвистической точки зрения сразу по нескольким причинам: богатый языковой материал, диалоги позволяют предполагать, что из себя представляла не только письменная речь, но и устная (конечно, далеко не в полной мере, ведь диалоги лишь, своего рода, имитация устной речи автором), также речь представителей разных сословий позволяет более взвешенно взглянуть на язык того периода. Согласно «Истории испанского языка» М. Пидалья, «Трагикомедия» является

первым произведением, где начал складываться классический испанский язык (*español clásico*). Также испанский ученый приводит цитату Хуана де Вальдеса о «Селестине»: «*ningún libro hay escrito en castellano donde la lengua esté más natural, más propia, ni más elegante*» (пер. – нет другой такой книги, написанной на кастильском языке, где язык был бы более естественным, более надлежащим или более элегантным); литературный язык периода XV-XVI вв. стремится к ясности и прозрачности, но, порой, не без «нагромождения слов», причиной которого является все еще сохранявшееся влияние произведений латинских авторов (Pidal, 2007:673-679).

«Трагикомедия Калисто и Мелибеи» – синхронический срез **испанского языка эпохи Возрождения** (*español renacentista*), который является прототипом классического «языка Сервантеса». В этот период, во многом благодаря А. Небрихе и его «Грамматике», был взят курс на обособление испанского языка от латинского или других романских языков, а также на обретение стабильной литературной формы, необходимой как для формирования лингвистически самостоятельного кастильского, так и для национальных и государственных интересов Испании.

3.1.3 «Хитроумный идалго Дон Кихот Ламанчский».

Если «Песнь о моем Сиде» можно считать вершиной испанского эпоса периода Средневековья, то «Дон Кихот» стал образцовым романом эпохи Золотого века. Закату эпохи Возрождения характерно разочарование в «возвышенных» литературных жанрах. Реконкиста, которая начиналась под эгидой ценностей гуманизма, быстро стала демонстрацией человеческих пороков: кровожадность, жажда к обогащению, варварство и др. Конечно все это начало находить отражение в литературе, и рыцарские романы, совмещавшие реализм с выдумкой, восхваляющие героические подвиги и авантюристский стиль жизни, сменились реалистическими романами. «Дон Кихот», созданный в 1605 году Мигелем де Сервантесом, стал, пожалуй, первым и главным представителем этого нового жанра испанской литературы.

«Дон Кихот» полон критики в адрес популярных рыцарских романов. Хосе Ортега-и-Гассет пишет про новый жанр Золотого века следующее: «Роман появился на свет с острым комическим жалом. И дух, и образ комического будет сопровождать его до могилы. Критика и насмешка в «Дон Кихоте» далеко не второстепенный орнамент. Они – органическая ткань не просто романа как жанра, но, быть может, всего реализма» (Ортега-и-Гассет, 1997:150-151).

М. Пидаль пишет, что Сервантес написал роман, который адресован как простым, так и утонченным читателям всех возрастов, что является признаком особой глубины произведения (Pidal, 2007:956-957). «Дон Кихот» представляет особый интерес для нашего исследования благодаря подходу автора отобразить естественную, разговорную речь гармонично и так, как она существует в реальности, а не просто стилизовать; это касается как героев высокого сословия, так и низкого. Сервантес бережно подходит к изображению речи жителей деревни, пастухов, не превращая это в фарс, что было характерно для литературы того времени, а, наоборот, удерживая баланс между простотой и изящностью. В качестве одного из приемов изображения разговорной речи в «Дон Кихоте» М. Пидаль приводит усиление выразительности за счет лексических повторов: «*vivo vivo*», «*luego luego*» или «*al cabo al cabo*», синонимические ряды: «*no el falso, no el apócrifo... sino el verdadero, el legal y el fiel*», пер. – «не тот поддельный, недостоверный... но истинный, подлинный и верный», превосходная степень существительных через суффикс *-ísimo/a*: «*duenísima*», «*escuderísimo*» (Pidal, 2007:961-962).

«Дон Кихот» представляет особый лингвистический интерес, поскольку испанский язык XVII в. уже гораздо доступнее для восприятия современного читателя. Многие слова или фразы знакомы, но отличаются от современных по значению, грамматической форме или орфографии. Заметно, что язык находился на этапе формирования своей литературной нормы, ему была характерна вариативность, колебания на разных уровнях (фонетическом,

морфологическом и т. д.); многие формы были полностью взаимозаменяемы и использовались произвольно, между ними не было каких-либо семантических различий, например: «*invidia*» и «*envidia*», «*podimos*» и «*podimos*», «*recebí*» и «*recibí*» и др. В «Дон Кихоте» заметна конкуренция в формировании сложных времен (*tiempos compuestos*) между глаголами «*ser*» и «*haber*» (в современном испанском эту роль выполняет только глагол «*haber*»): «*dos días eran ya pasados*» (пер. – прошло уже два дня) вместо «*dos días habían ya pasados*», «*es ido*» (пер. – пришел) вместо «*ha ido*» и т. д. Также в языке эпохи Золотого века все еще можно было встретить использование глагола «*haber*» в качестве личного и полнозначного (то есть в значении «иметь», «владеть чем-то») особенно в разговорной речи: «*habemos un hijo*» (пер. – у нас есть сын), такое же можно найти в тексте «Дон Кихота»: «*la habían tanta lástima*» (букв. пер. – они имели такую жалость к ней) однако все чаще для передачи этого значения использовался глагол «*tener*» (Centro Virtual Cervantes. La lengua del Quijote: rasgos generales : [сайт]. URL: <https://cvc.cervantes.es/literatura/clasicos/quijote/introduccion/apendice/gutierrez.htm>).

В нашем исследовании семантических изменений глаголов мы будем использовать роман «Дон Кихот» Сервантеса в качестве синхронного среза классического испанского языка (*español clásico*).

3.2 Общая характеристика семантики глаголов «*ser*», «*estar*», «*haber*», «*tener*»: причины и процесс семантических изменений.

Предоставив общую характеристику используемой литературы, затронув контекст и лингвистические особенности, нам необходимо подробнее рассмотреть конкретные глаголы, которые были выбраны в качестве объекта исследования. Для того, чтобы проанализировать семантическое развитие необходимо сначала установить 2 временные точки относительно которых будет проводиться сравнение значений. В нашем исследовании такими точками будут: язык предок, то есть латинский,

которую мы будем считать точкой отсчета, и **современный испанский язык**, выступающий в роли конечной точки (в рамках нашего исследования). Для того, чтобы узнать происхождение испанских глаголов мы воспользуемся этимологическим словарем «*Diccionario Crítico Etimológico Castellano e Hispánico*» под авторством Жуана Куруминаса-и-Виньо и Хосе Антонио Паскуаля (Corominas, Pascual, 1984). Для определения современного значения рассматриваемой лексики мы будем обращаться к словарю DLE (Real Academia Española: Diccionario de la lengua española. 23.ª ed.: [сайт]. URL: <https://dle.rae.es>). Для дополнительной информации мы также будем пользоваться словарем Королевской академии испанского языка (RAE) «*Diccionario panhispánico de dudas*» (DPD) (Real Academia Española. Diccionario panhispánico de dudas : [сайт]. URL: <https://www.rae.es/dpd/>).

3.2.1 Происхождение и актуальное значение глагола «*ser*»:

• Происхождение:

Формы этого испанского глагола возникли в результате слияние двух латинский форм: большая часть происходит от лат. «*esse*» (пер. – быть), другие, например, формы будущего времени (*futuro*), условного наклонения (*condicional*), настоящего времени сослагательного и повелительного наклонения (*presente de subjuntivo, de imperativo*), а также безличные (*impersonales*) происходят от латинского глагола «*sedere*» (пер. – сидеть), который постепенно утрачивал свое значение в кастильском и стал синонимом глаголу «*estar*» (пер. – быть, находиться), а затем глаголу «*ser*» (пер. – быть, существовать). Уже в X в. инфинитив «*sedere*» имел значение глагола «*ser*», но первое ненормативное использование этого глагола (то есть, в значение «быть, существовать») было замечено еще в IV в. Несмотря на то, что в Средние века значение «сидеть» еще встречалось, семантика глагола «*sedere*» расширялась. Однако схожесть значения «*sedere*» и «*esse*» не основная причина такого слияния (к тому не объясняет почему этот процесс произошел только двух романских языках: кастильском и португальском). Более весомым

отмечают фонетический фактор. В результате смещения ударения в инфинитивах в кастильском и португальском на *-ēre*, «*sēdēre*» редуцировалось до «*seer/ser*» (элизия согласного [d] в интервокальной позиции; апокопа безударного [e]), похожий процесс произошел и с глаголом «*ēssēre*» (афереза безударного [e], стяжение удвоенного [s] и апокопа [e]) (Corominas, Pascual, 1984:213-214).

Таким образом, расширение значения произошло, в первую очередь, по фонетическим причинам, которые привели к омонимии двух этимологически разных форм, а в качестве дополнительных причин можно назвать полисемию (в результате объединения значений двух этимологически разных глаголов) и изначальную связь между их значениями (общая идея нахождения в пространстве), что привело к метонимическому переносу и расширению значения.

• **Актуальные значения:**

1. **Грамматические:** функционирует в качестве глагола-связки (связь подлежащего и атрибута): «*Pedro es el mejor jugador del equipo*», пер. – «Педро лучший игрок в команде»; и служебного глагола для образования пассивного залога (*voz pasiva*): «*La pelea fue detenida*», пер. – «Драка была остановлена»;
2. **Лексические:** выражает идею существования: «*Ser o no ser*», пер. – «Быть или не быть»; нахождения в пространстве, ситуации или времени: «*El partido fue a las seis*», пер. – «Матч был в шесть часов»; стоимости: «*¿A cómo es el pescado?*», пер. – «По чем рыба?»; подтверждения сказанного: «*Eso es*», пер. – «Именно/точно».

Также нужно отметить, что, в результате управления, семантика глагола «*ser*» расширяется еще больше: глагол может означать владение чем-то: «*Este jardín es de reina*», пер. – «Этот сад принадлежит королеве»; назначение чего-то: «*Los idiomas son para comunicarse*», пер. – «Языки служат для общения»;

соглашение с мнением, следование ему: «**Soy con Ana**», пер. – «Я согласен/а с Анной», «**Soy de Juan**», пер. – «Я с Хуаном».

3.2.2 Происхождение и актуальное значение глагола «*estar*»:

• Происхождение:

«*Estar*» происходит от латинского «*stāre*» (пер. – стоять, быть стойким, быть неподвижным) (Corominas, Pascual, 1984:776). В 4-ой книге поэмы «Фасты» Овидия можно также наблюдать использование глагола «*stāre*» в значении «стоять»: «*stat mihi non paruo uirtus mea*» (Ovid, 2005: 885), пер. – «стоит немало мне моя доблесть». Фонетические изменения от «*stāre*» к «*estar*» можно описать так: протеза [e] перед согласным [s], апокопа [e]. Особый интерес представляет конкуренция между «*estar*» и «*ser*» на уровне синтаксиса и семантики, которая продолжалась вплоть до XVIII-XIX в., когда употребление наконец закрепилось (Vaño-Cerdá, 1982:267). С XIV в. употребление «*estar*» с причастием в значении результата действия (*forma de estado*) начало заметно превосходить «*ser*» с причастием (Yllera, 1980:224-227). Также в «Песни о моем Сиде» можно увидеть, как значение «находиться» выражает не только глагол «*estar*», что естественно для современного испанского языка, но и «*ser*»: «*¡Grado a Dios, a aquel que está en alto...!*» (Poema de Mío Cid, 1913:350), пер. – «Господу хвала, тому, кто пребывает свыше...!»; но в то же время: «*el uno es en paraíso, ca el otro non entró allá*» (Poema de Mío Cid, 1913:792), пер. – «один находится в раю, другой – войти туда не смог». Со временем глагол «*estar*» заметно расширяет свое значение, если в латинском он обозначал в основном лишь вертикальное положение, то в староиспанском стал аналогом глагола «*ser*» (Dworkin, 2018:82). В современном языке этот глагол является одним из самых употребляемых, во многом благодаря своей служебной функции (таким образом утратив свое лексическое значение в пользу грамматического) в нескольких популярных грамматических конструкциях.

Мы предполагаем, что семантические изменения в глаголе «*estar*» произошли по лингвистическим причинам, но основным фактором является не фонетический процесс и возникшая омонимия, как это было с глаголом «*ser*», а неопределенность границ между идеей «стоять в вертикальном положении где-либо» и «находиться где-либо в пространстве», что привело к метонимическому переносу значения от конкретного к общему (расширение).

• **Актуальные значения:**

1. **Грамматические:** в качестве глагола-связки – приписывает подлежащему определенное качество или состояние; в этом отношении он похож на глагол «*ser*», однако ключевая разница между ними в том, что «*estar*» выражает временное качество, некоторое состояние на данный момент времени: «*Juan está triste*», пер. – «Хуану грустно» (это не черта присущая субъекту всегда, а временное состояние). Также глагол «*estar*» образует грамматикализованные глагольные конструкции: «*estar* + причастие» (*forma de estado*) – выражает результат процесса, который привел к приобретению субъектом определенного качества, состояния: «*Pedro está cansado*», пер. – «Педро устал», а «*estar* + герундий» (*forma continua*); выражает длительное действие: «*Estamos trabajando en este proyecto*», пер. – «Мы работаем над этим проектом»;

2. **Лексические:** выражает следующие идеи: существование, нахождение в каком-то месте или состоянии: «*Está aquí*», пер. – «Он (находится) здесь»; стоимость: «*¿A cuánto están las patatas?*», пер. – «По чем картошка?»; причина чего-либо: «*En el trabajo gustoso está la felicidad*», пер. – «В желанной работе заключается счастье».

В результате управления глагол «*estar*» приобретает еще несколько значений: готовность к чему-то: «*Estaba a lo que viniere*», пер. – «Он был готов ко всему»; указание на наступление определенного дня месяца: «*Estábamos a cinco de enero*», пер. – «Было пятое января»; совместное проживание или

работа: «*Estoy con José*», пер. – «Я работаю/живу с Хосе»; встреча с кем-то, как правило, по деловым причинам: «*Estaré con Inés en su despacho*», пер. – «Завтра я буду на встрече с Инес в ее кабинете»; занятие должности: «*Estar de electricista*», пер. – «Быть/работать электриком» и др. – во всех этих случаях содержится общее значение непостоянного, изменчивого состояния.

3.2.3 Происхождение и актуальное значение глагола «*haber*»:

• Происхождение:

Глагол «*haber*» происходит от латинского «*habēre*» (пер. – иметь, обладать). В период Средневековья этот глагол использовали все реже в качестве основного, поскольку его вытеснял другой – «*tener*»; этот процесс происходил уже в XII-XIII вв.: «*Noto trezientas lanças que todas **tienen** pendones*» (Poema de Mio Cid, 1913: 419), пер. – «Я вижу три сотни копий – на каждом есть знамя». «*Haber*» (он же «*aver*») преимущественно использовался для обозначения владения абстрактными неисчисляемыми объектами (такими как любовь, страх, имя, воля и т. д.), а «*tener*» наоборот – конкретными и исчисляемыми. Однако это не было категоричным правилом (Dworkin, 2018:81). К XV-XVI вв. использование глагола «*haber*» в качестве синонима «*tener*» считалось архаизмом, а уже в XVII в. встречался в качестве основного, полнозначного глагола крайне редко, только в особых случаях, например, «*haverlo de*» в значении «наличие болезни в какой-либо части тела»: «*esso fuera si mi amo **lo huviera** de las muelas*», пер. – «это если бы у моего господина зубы болели» (El ingenioso hidalgo Don Qvixote de la Mancha. Segvnda parte del Ingenioso cavallero Don Qvioxote de la Mancha, 1917:23). Такая эволюция значения характерна для романских языков Пиренейского полуострова, чего нельзя сказать о других, где «*haber*» сохранило свое основное значения. А, например, в португальском языке это сужение значения проявилось еще сильнее – форма «*ter*» заменила «*haver*» даже в качестве вспомогательного глагола (Corominas, Pascual, 1984:294-295).

Таким образом, испанский глагол «*haber*», в ходе конкуренции с «*tener*», имевшем схожее значение, постепенно проходил через сужение своего значения, а затем подвергся грамматикализации и стал употребляться в основном лишь в качестве вспомогательного глагола, сохранив лексическое значение только в безличной форме.

• **Актуальные значения:**

1. **Грамматические:** выступает в роли вспомогательного глагола – участвует в образовании сложных времен (*tiempos compuestos*) через грамматикализованную конструкцию «*haber* + причастие»: «*León ha leído el libro*», пер. – «Леон прочитал книгу», а также в формировании двух модальных конструкций: более устаревшей «*haber de* + инфинитив»: «*He de salir temprano*», пер. – «Я должен уйти пораньше», и часто используемой «*haber (в 3 л., ед. ч.) que* + инфинитив»: «*Hay que recordar que la seguridad es primordial*», пер. – «Следует помнить, что безопасность превыше всего»;

2. **Лексические:** может передавать значение «захватить кого-то/что-то, овладеть кем-то/чем-то»: «*Antonio lee cuantos libros puede haber*», пер. – «Антонио читает столько книг, сколько может достать (букв. имеет)»; все остальные значения глагол «*haber*» передает в безличной форме: праздновать, отмечать: «*Mañana habrá fiesta*», пер. – «Завтра будет праздник»; существовать, находиться: «*Hay 10 sillas en el aula*», пер. – «В классе 10 стульев».

3.2.4 Происхождение и актуальное значение глагола «*tener*»:

• **Происхождение:**

«*Tener*» произошел от латинского глагола «*tēnēre*» (пер. – иметь, владеть, удерживать) (Corominas, Pascual, 1984:461-462). Самым важным этапом в развитии значения этого слова является его конкуренция с глаголом «*habēre*», о которой мы писали выше. Главная причина, по которой «*tener*» стал более популярным – это заключенное в нем значение владения без каких-

либо оттенков. Если «*habēre*» изначально означал скорее начало действия – «получать», «приобретать», то «*tēnēre*» указывал на само состояние владения – «сохранять», «обладать», «держатъ» (Dworkin, 2018:81). Таким образом, значение было более простым, точным и оттого более востребованным, чем у глагола конкурента; и так, в результате достаточно продолжительной синонимии между этими лексемами, «*tener*» взял на себя функцию выразить больше лексическое значение, а «*haber*» – грамматическое, поскольку в основном используется как вспомогательный глагол. Любопытно, что, с точки зрения семантики, «*tener*» не претерпел заметных изменений. Исходя из его полисемантичности, можно лишь говорить о высокой универсальности глагола (на уровне лексического значения), а также стоит упомянуть о его способности к образованию грамматикализованных конструкций, в которых он выполняет вспомогательную роль.

Помимо всего прочего, «*tener*» оказывается особенно плодотворным для образования дериватов, которые схожи по значению (каждый выполняет функцию уточнения идеи владения чем-то) и появились благодаря присоединению к корню различных аффиксов, например: «*abstener*» (пер. – удерживать), «*contener*» (пер. – вмещать, сдерживать), «*detener*» (пер. – останавливать, задерживать), «*entretener*» (пер. – развлекать, обслуживать, поддерживать), «*obtener*» (пер. – добиваться, получать) и др. (Corominas, Pascual, 1984:462-463).

Подводя итог, можно говорить о стабильности семантики рассматриваемого глагола – лексическое значение практически не изменялось, но заметна внутренняя тенденция к расширению значения, о чем свидетельствует, как мы полагаем, большое количество мотивированных слов (дериватов), выражающих более узкие и конкретные случаи употребления общей идеи «владения». Также отметим, что существует тенденция к грамматикализации значения, которая выражается в способности выступать в

качестве вспомогательного глагола в таких конструкциях, как «*tener* + причастие» и «*tener que* + инфинитив», которые мы рассмотрим далее.

• **Актуальные значения:**

1. **Грамматические:** в качестве вспомогательного глагола «*tener*» способен образовывать глагольные конструкции; грамматикализованные конструкции: «*tener* + причастие» – выражает результат действия: «¡*Le tengo dicho!*», пер. – «Я тебе говорил!»; «*tener que* + инфинитив» – выражает обязательность или необходимость: «*Tienes que pagar el billete de autobús*», пер. – «Ты должен заплатить за проезд в автобусе»; также существует конструкция «*tener de* + инфинитив», идентичная по значению предыдущей, но она характерна для классического испанского и встречается в основном лишь в литературе: «*Claro está que lo tengo de restituir*», пер. – «Ясно, что я вынужден их (деньги) ему вернуть» (El ingenioso hidalgo Don Quijote de la Mancha, 1884:199);

2. **Лексические:** содержит целый ряд значений: держать или удерживать что-то: «*Tiene las llaves del coche*», пер. – «Он держит ключи от машины»; владеть чем-то: «*El barón tiene un castillo grande*», пер. – «Барон владеет большим замком»; обладать каким-либо качеством: «*Tiene cualidades especiales*», пер. – «Он обладает особыми качествами»; сдержать (слово, обещание): «*Siempre tiene palabra*», пер. – «Он всегда держит слово»; принимать гостей: «*Por primera vez tiene invitados en su casa*», пер. – «Он впервые принимает гостей у себя дома» и др.

В качестве итога этого параграфа приведем таблицу (Табл. 2), описывающую развитие, причины (факторы) и механизмы семантических изменений в исследуемых глаголах:

Глагол	Развитие значения	Фактор	Механизм
<i>Ser</i>	«быть, сидеть» ↓	Омонимия, полисемия	Метонимия, расширение, грамматикализация

	<p>«быть, сидеть, находиться»</p> <p>↓</p> <p>«быть, существовать» (<i>ēsse + sēdēre > seer/ser</i>)</p>		
<i>Estar</i>	<p>«стоять в вертикальном положении»</p> <p>↓</p> <p>«стоять, находиться»</p> <p>↓</p> <p>«быть, находиться» (<i>stāre > estar</i>)</p>	Неопределенность границ	Расширение, грамматикализация
<i>Haber</i>	<p>«иметь, обладать»</p> <p>↓</p> <p>редко употребляется как полнозначный глагол</p> <p>↓</p> <p>грамматикализация значения, лексическое значение – «находиться, существовать» (только в безличной форме) (<i>habēre > aver/haber</i>)</p>	Был вытеснен более конкретным по значению глаголом « <i>tener</i> »	Сужение, грамматикализация

<i>Tener</i>	«сохранять, обладать, держать» ↓ «иметь, обладать, держать» (<i>tēnēre</i> > <i>tener</i>)	Стабильная семантика, практически не изменялась	Есть тенденция к расширению и грамматикализации
---------------------	---	--	---

3.2.4. Таблица 2 – развитие, причины (факторы) и механизмы семантических изменений в глаголах «*ser*», «*estar*», «*haber*» и «*tener*».

3.3 Анализ и сравнение семантики испанских глаголов на примерах из рассматриваемых литературных произведений.

Проанализировав используемую литературу, временной контекст, лингвистические особенности текстов, а также семантическое развитие выбранных нами глаголов, мы можем приступить к рассмотрению примеров их использования в «Песне о моем Сиде», «Селестине» и «Дон Кихоте». Таким образом мы сравним как использовались глаголы «*ser*», «*estar*», «*haber*» и «*tener*», и прокомментируем некоторые различия, основываясь на теоретической базе, которая была нами рассмотрена.

3.3.1 Глагол «*Ser*».

Рассмотрим несколько случаев употребления «*ser*» в поэме «Песнь о моем Сиде» (Poema de Mío Cid, 1913):

- Грамматическое значение:

1) «*non puedo traer el aver, ca mucho es pesado*» (Poema de Mío Cid, 1913:91), пер. – «я не могу принести эти деньги, потому что они слишком тяжелые»; выполняет функцию **глагола-связки** (связь подлежащего и атрибута);

2) «*por esso es luenga que a deliçio fo criada*» (Poema de Mío Cid, 1913:3282), пер. – «потому она (борода) и длинная, что за ней с радостью ухаживали»; служит для образования грамматикализованной конструкции «*ser* + причастие», выражающей **пассивный залог** (*voz pasiva*): «*Ya es aguisado,*

mañanas fo Minaya» (Poema de Mío Cid, 1913:836), пер. – «Всё было решено (улажено), Минайя уехал утром».

• Лексическое значение:

1) «*como fio por Dios, el campo nuestro será*» (Poema de Mío Cid, 1913:1133), пер. – «раз я уповаю на Бога, поле будет нашим»; выражает значение «**быть, принадлежать**»;

2) «*la una fo en Burgos, e la otra en Carrión*» (Poema de Mío Cid, 1913:3130), пер. – «одни (кортесы, собрание) были в Бургосе, другие в Каррьоне»; значение «**находиться, проводиться, состояться**»;

3) «*de todas cosas quantas son de vianda*» (Poema de Mío Cid, 1913:63), пер. – «что-либо из съестного (букв. что принадлежит, относится к продуктам)»; выражает значение «**принадлежности, отнесенности к чему-то**».

Отдельно стоит отметить сосуществование форм «*ser*» и «*seer*». Во время рассмотрения происхождения глагола «*ser*», удалось выяснить, что в староиспанском языке «*seer*» использовали как в новом значении – «**быть, существовать**», так и в изначальном – «**сидеть**»:

1) «*Dandos, rey, plazo, ca cras seer non puode*» (Poema de Mío Cid, 1913:3468), пер. – «Дайте нам, король, время, ибо завтра его не будет»; выражает значение «**быть, существовать**»;

2) «*Venid acá seer conmigo, Campeador, // en aqueste escaño quem diestes vos en don*» [3114-3115], пер. – «Подойди сюда и сядь со мной, Кампеадор, // на это кресло, которое ты мне подарил»; а здесь та же форма имеет значение «**сидеть**». Кстати, одновременно с «*seer*» то же самое значение выражал глагол «*posar*»: «*e ivan posar en un precioso escaño*» (Poema de Mío Cid, 1913:2216), пер. – «и сели они на прекрасное кресло».

Случаи употребления «*ser*» в романе-драме «Селестина» (La Celestina. Tragicomedia de Calisto y Melibea, 1899):

• Грамматическое значение:

1) «*Sin dubda incomparablemente es mayor tal galardón*» (La Celestina, 1899:24), пер. – «Несомненно, такая награда несравненно выше» – функционирует в качестве **глагола-связки**;

2) «*la dulçura del soberano deleyte, que por el hazedor de las cosas fue puesto*» (La Celestina, 1899:58), пер. – «сладость высшего наслаждения, которое было установлено Создателем» – выполняет роль служебного глагола для образования **пассивного залога** (*voz pasiva*);

3) «*É porque gelo prometí, é con mi promessa leuó descanso é la fe es de guardar*» (La Celestina, 1899:62), пер. – «И поскольку я обещала ему, и с моим обещанием он обрел покой, и веру нужно сохранять» – формирует конструкцию «*ser de* + **инфинитив**», которая выражает значение **необходимости исполнения чего-либо**.

• Лексическое значение:

1) «*O tus melezinas son de poluos de infamia é licor de corrupción*» (La Celestina, 1899:227), пер. – «Или лекарства твои сделаны из порошка позора и ликера разврата» – значение «**состоять из, быть сделанным из**»;

2) «*Aqui soy, señor, curando destes cauallos*» (La Celestina, 1899:25), пер. – «Я здесь, сеньор, лечу этих лошадей» – выражает значение **нахождения в пространстве**;

3) «*todo esto nouedad es para se marauillar quien te conoce*» (La Celestina, 1899:130), пер. – «все эта новизна для того, чтобы удивить знакомого» – означает **назначение чего-то**.

Употребление «*ser*» в романе «**Дон Кихот**» (El ingenioso hidalgo Don Quijote de la Mancha, 1884):

• Грамматическое значение:

1) «*Todas las aventuras del castillo de Miraguarda son bonísimas*» (El ingenioso hidalgo Don Quijote de la Mancha, 1884:37), пер. – «Все приключения в замке Мирагуарда чрезвычайно хороши» – служит **глаголом-связкой**;

2) «*assí fué hecho con mucha presteza*» (El ingenioso hidalgo Don Quijote de la Mancha, 1884:42), пер. – «это было сделано очень быстро» – функционирует в качестве служебного глагола для образования **пассивного залога** (*voz pasiva*);

3) «*¿Pero es de saber ahora, si tiene mucha costa el hacelle?*» (El ingenioso hidalgo Don Quijote de la Mancha, 1884:65), пер. – «А сейчас необходимо узнать, дорого ли Вам это обойдется?» – образует конструкцию «**ser de + инфинитив**», выражающую **необходимость**.

• Лексическое значение:

1) «*porque en efeto eran hombres como nosotros*» (El ingenioso hidalgo Don Quijote de la Mancha, 1884:67), пер. – «потому что на самом деле они были такими же людьми, как мы» – выражает значение «**быть, являться кем-то**»;

2) «*Esso es, dijo don Quijote*» (El ingenioso hidalgo Don Quijote de la Mancha, 1884:112), пер. – «Именно, - сказал Дон Кихот» – выражает **подтверждение**;

3) «*es para entretener la comunidad con alguna honesta recreacion*» (El ingenioso hidalgo Don Quijote de la Mancha, 1884:511), пер. – «это для того, чтобы развлечь общество честным отдыхом» – выражает **назначение** чего-то.

3.3.2 Глагол «*Estar*».

Рассмотрим случаи употребления глагола «*estar*» в «**Песне о моем Сиде**»:

• Грамматическое значение:

1) «*Afevos el obispo don Jerome muy bien armado estave*» (Poema de Mío Cid, 1913:2368), пер. – «Посмотрите на епископа дона Херонимо, он очень хорошо вооружен» – образует конструкцию «**estar + причастие**» (*forma de estado*) –

выражает **состояние**. Примечательно, что эта конструкция (именно со значением состояния) в «Сиде» чаще встречается именно с глаголом «*ser*», а не «*estar*», как в современном испанском языке;

2) «*Sonrrisós mió Çid, estávalos fablando*» (Поэма де Мío Сид, 1913:154), пер. – «Мой Сид улыбнулся, разговаривая с ними» – формирует конструкцию «*estar* + герундий», которая выражает **длительное действие** (*forma continua*).

Любопытно, что для выражения временных качеств или состояния на данный момент времени используется глагол «*ser*», а не «*estar*», что может говорить об отсутствии разделения на постоянное и временное состояние в староиспанском: «*Alegre es el conde e pidió agua a las manos*» (Поэма де Мío Сид, 1913:1049), пер. – «Счастлив граф и попросил воды для рук».

- Лексическое значение:

1) «*A Dios lo prometo, a aquel que está en alto*» (Поэма де Мío Сид, 1913:497), пер. – «Богу я обещаю, тому, кто (букв. находится) на высоте» – выражает значение «**нахождение, существование в каком-то месте**».

Случаи употребления «*estar*» в романе-драме «Селестина»:

- Грамматическое значение:

1) «*¿Enojóte, madre, con mi lengua razón, ó está borracho este moço?*» (La Celestina, 1899:153), пер. – «Это я тебя своими долгими рассуждениями злю, мама, или этот парень пьян?» – выражает **временное состояние**;

2) «*calla, que está abierta la puerta*» (La Celestina, 1899:203), пер. – «тише, дверь открыта» – формирует конструкцию «*estar* + причастие» (*forma de estado*);

3) «*trobando está nuestro amo*» (La Celestina, 1899:195), пер. – «наш хозяин стихи сочиняет» – образует конструкцию «*estar* + герундий» (*forma continua*).

- Лексическое значение:

1) «*en casa está*» (La Celestina, 1899:203), пер. – «она дома» – значение **нахождения** в каком-то месте;

2) «¿*Qué, no está ya por prouar todo esso?*» (La Celestina, 1899:175), пер. – «Что, вы уже не собираетесь попробовать все это?» – выражает **намерение сделать что-то**;

3) «*á osadas que está todo á punto*» (La Celestina, 1899:172), пер. – «по правде говоря, все готово» – выражает **состояние готовности**.

Употребление «*estar*» в романе «Дон Кихот»:

• Грамматическое значение:

1) «*El ventero (que como está dicho) era un poco socarron*» (El ingenioso hidalgo Don Quijote de la Mancha, 1884:14), пер. – «Продавец, который, как уже сказано, был немного хитроват» – в данном случае образует **пассивный залог** (*voz pasiva*);

2) «*se dió á entender que estaba muerto*» (El ingenioso hidalgo Don Quijote de la Mancha, 1884:121), пер. – «стало ясно, что он мертв» – грамматикализованная конструкция «**estar + причастие**», выражает **результат** какого-то действия или процесса, который привел к обретению нового качества или состояния (*forma de estado*);

3) «*estaba escuchando en qué paraba su enemigo*» (El ingenioso hidalgo Don Quijote de la Mancha, 1884:125), пер. – «он слушал, что замышляет его враг» – формирует герундиальную конструкцию «**estar + герундий**» (*forma continua*), выражающую **длительное действие**.

• Лексическое значение:

1) «*Veamos essotro que está junto á él*» (El ingenioso hidalgo Don Quijote de la Mancha, 1884:34), пер. – «Давайте посмотрим на другого, что находится рядом с ним» – выражает значение «**находиться в каком-то месте**»;

2) «*Pero **está** el daño de todo esto, que en este punto, y término, deja pendiente el autor desta historia esta batalla*» (El ingenioso hidalgo Don Quijote de la Mancha, 1884:55), пер. – «Но вредность всего этого заключается в том, что на этом моменте, и в конечном итоге, автор истории оставляет битву в ожидании решения» – использование глагола «*estar*» в значении **причины**;

3) «*don Quijote le rogó que algo mas cantase, no lo consintió Sancho Panza, porque **estaba mas para dormir que para oír canciones***» (El ingenioso hidalgo Don Quijote de la Mancha, 1884:75-76), пер. – «Дон Кихот умолял его (козопаса) спеть ещё, но Санчо Панса не согласился, потому что был больше настроен на сон, чем на слушание песен» – значение **намерения, готовности к чему-то**.

3.3.3 Глагол «*Haber*».

Случаи употребления глагола «*haber*» в «**Песне о моем Сиде**»:

• Грамматическое значение:

1) «*El rey lo **ha vedado**, anoch del entró su carta*» (Poema de Mío Cid, 1913:42), пер. – «Король запретил это, его письмо пришло вчера вечером» – формирует конструкцию «***haber* + причастие**» (*tiempo compuesto*);

2) «*ya cavalleros, **dezir** vos **he** la verdad*» (Poema de Mío Cid, 1913:947), пер. – «что ж, кабальеро, я должен сказать вам правду» – образует модальную конструкцию «***haber (de) + инфинитив***», выражающую значение **долженствования**. В современном испанском языке встречается редко. Также нами была обнаружена нетипичная конструкция «***haber a* + инфинитив**», которая выражает такое же **модальное** значение: «*en aquessa corrida diez dias **ovieron a morar***» (Poema de Mío Cid, 1913:953), пер. – «в этом набеге им пришлось провести десять дней» («*ovieron*» - устаревшая форма глагола «*haber*»).

Следует отметить, что конструкция «*haber que* + инфинитив» нами не была найдена в тексте «Сида», однако конструкция «*haber (de)* + инфинитив» встречается достаточно часто.

- Лексическое значение:

1) «*Bien los ferredes, que dubda non i avrá*» (Поэма de Mío Cid, 1913:1131), пер. – «вы хорошо сразитесь с ними, ибо нерешимости там не будет» – выражает значение **существования, наличия чего-либо**.

Случаи употребления «*haber*» в романе-драме «Селестина»:

- Грамматическое значение:

1) «*yo misto me alegro con recelo del esquiivo tormento que tu ausencia me ha de causar*» (La Celestina, 1899:24), пер. – «я с трепетом предвкушаю неуловимые душевные муки, которые причинит мне твое отсутствие»; нетипичное использование конструкции «**haber de + инфинитив**», которая в это случаи означает **неизбежность совершения чего-то** (подверженность результату действия);

2) «*No sé qué se ha visto Calisto*» (La Celestina, 1899:207), пер. – «Я не знаю, что видела Калисто» – конструкция «**haber + причастие**», которая образует **сложные времена**.

Нами не было найдено употреблений глагольной конструкции «*hay que* + инфинитив», однако был обнаружен случай совпадения формы словосочетания с формой этой конструкции: «*Quando ay que roer en casa, sanos están los santos*» (La Celestina, 1899:201), пер. – «Пока ей есть что пожевать дома – святые остаются невредимыми».

- Лексическое значение:

1) «*que ha tres horas que está aquí mi prima*» (La Celestina, 1899:203), пер. – «мой двоюродный два уже как три часа здесь» – служит для **обозначения времени**;

2) «*Por Dios la creo; por Dios la confieso, é no creo que **ay** otro soberano en el cielo*» (La Celestina, 1899:32), пер. – «Богом клянусь я верю ей; мне это Господь подсказывает, а другого владыки нет на небесах» – имеет значение «**быть, существовать, находиться**».

Употребление «*haber*» в романе «**Дон Кихот**»:

• Грамматическое значение:

1) «*él me lo jure, por la ley de caballería que **ha recibido***» (El ingenioso hidalgo Don Quijote de la Mancha, 1884:23), пер. – «он поклялся мне рыцарской клятвой, которую давал (букв. получил)» – формирует конструкцию «**haber + причастие**» (*tiempo compuesto*);

2) «*Ó yo me engaño, ó esta **ha de ser** la mas famosa aventura que se haya visto*» (El ingenioso hidalgo Don Quijote de la Mancha, 1884:51), пер. – «Или я сам себя обманываю, или это должно быть самое знаменитое приключение, которое когда-либо видели» – конструкция «**haber de + инфинитив**» – выражает долженствование;

3) «*Es un bálsamo, respondió Don Quijote, de quien tengo la receta en la memoria, con el cual no **hay que tener** temor á la muerte*» (El ingenioso hidalgo Don Quijote de la Mancha, 1884:65), пер. – «Это бальзам, - ответил Дон Кихот, - рецепт которого хранится у меня в памяти, с ним не надо бояться смерти» – модальная безличная конструкция «**hay que + инфинитив**», которая выражает **необходимость**.

• Лексическое значение:

1) «*no **ha** mucho tiempo que vivia un hidalgo de los de lanza en astillero*» (El ingenioso hidalgo Don Quijote de la Mancha, 1884:1), пер. – «не так давно жил один идадьго из тех, что копыеносцы на высокой должности» – обозначение **временного промежутка**;

2) «*No se me puede quitar del pensamiento, ni **habrá** quien me lo quite en el mundo*» (El ingenioso hidalgo Don Quijote de la Mancha, 1884:212-213), пер. – «Меня нельзя оторвать от мыслей, и в мире не будет никого, кто бы их у меня отнял» – выражает идею **существования, наличия**.

3.3.4 Глагол «*Tener*».

Рассмотрим случаи употребления глагола «*tener*» в «**Песне о моем Сиде**»:

- Грамматическое значение:

Использование «*tener*» с грамматическим значением нами не было найдено. Судя по всему, на момент XIII в. этот глагол имел сильное лексическое значение и не употреблялся в качестве глагола-связки или вспомогательного.

- Лексические значения:

1) «*yo **ffincaré** en Valencia, ca la **tengo por heredad***» (Poema de Mío Cid, 1913:1472), пер. – «я остаюсь в Валенсии, так как она принадлежит мне» – означает «**владеть, иметь**»;

2) «*razonas por vuestro vassallo e a vos **tiene por señor***» (Poema de Mío Cid, 1913:1339), пер. – «он считает себя вашим вассалом, а вас – своим господином» – выражает значение «**принимать за кого-то, считать кем-то**»;

3) «*Grandes tuertos me **tiene** mió Cid el de Bivar*» (Poema de Mío Cid, 1913:961), пер. – «Мой Сид де Вивар сильно обидел меня» – выражает значение «**нанести оскорбления**»;

4) «*non **tiene en cuenta** los moros que ha matados*» (Poema de Mío Cid, 1913:1795), пер. – «потерял счет убитым им маврам» – значение «**вести счет чему-то**» (судя по всему, в «Сиде» используется еще в буквальном значении, а не как в современном языке – «принимать во внимание, иметь в виду»);

5) «*Levedes un portero, tengo que vos avrá pro*» (Poema de Mío Cid, 1913:1380), пер. – «Возьмите с собой носильщика, думаю, что вам станет легче» – значение «**считать, полагать, думать**».

Случаи употребления «*tener*» в романе-драме «Селестина»:

• Грамматическое значение:

1) «*Seys vezes al día tengo de salir por mi pecado*» (La Celestina, 1899:112), пер. – «Шесть раз в день я должна выходить на улицу за свой грех» – глагол формирует конструкцию «*tener de + инфинитив*», выражающую **необходимость**;

2) «*¿E no te tengo dicho que no me alabes esse hombre, ni me le nombres en bueno ni en malo?*» (La Celestina, 1899:230), пер. – «И разве я не говорила тебе не хвалить этого человека и не называть его хорошим или плохим?» – образует конструкцию «*tener + причастие*», выражающую **результат действия**.

Стоит отметить, что в «Селестине конструкция «*tener de + инфинитив*» встречается» гораздо чаще, чем «*tener que + инфинитив*». Судя по современному испанскому языку, мы можем сказать, что вторая, в итоге, станет более востребованной.

Любопытно, что часто встречаются словосочетания похожие на конструкцию «*tener que + инфинитив*», но по значению ею не являющиеся, например: «*Verdad es; pero mal conoces á Celestina; quando ella tiene que hazer, no se acuerda de Dios, ni cura de santidades. Quando ay que roer en casa, sanos están los santos*» (La Celestina, 1899:201), пер. – «Это так; но ты плохо знаешь Селестину; когда дела у нее идут хорошо (букв. ей есть чем заняться), она не вспоминает о Боге и не печется о святых. Пока ей есть что пожевать дома, святые остаются невредимыми».

• Лексическое значение:

1) «*Dexemos llorar al que dolor **tiene***» (La Celestina, 1899:27), пер. – «Позволим тем, кому больно, плакать» – выражает значение **переживания эмоций**;

2) «¿*Cuál consejo puede regir lo que en sí no **tiene** orden ni consejo?*» (La Celestina, 1899:30), пер. – «Какой совет может управлять тем, что само по себе не имеет ни порядка, ни совета» – значение **обладания**.

Употребление «*tener*» в романе «Дон Кихот»:

• Грамматическое значение:

1) «*Este es el día ¡oh Sancho! en el cual se ha de ver el bien que me **tiene guardado** mi suerte*» (El ingenioso hidalgo Don Quijote de la Mancha, 1884:133), пер. – «В этот день, о Санчо, я увижу все хорошее, что припасла для меня удача» – образует грамматикализованную конструкцию «*tener* + причастие», которая выражает **результат действия**;

2) «*No **tienen que** pararse á escuchar, sinó entren á despartir la pelea*» (El ingenioso hidalgo Don Quijote de la Mancha, 1884:368), пер. – «Они должны не останавливаться и слушать, а влезать, чтобы разнять драку» – конструкция «*tener que* + инфинитив», выражающая **обязательность** или **необходимость**;

3) «*Pues qué mas tengo de ver, dijo Sancho, que lo que he visto?*» (El ingenioso hidalgo Don Quijote de la Mancha, 1884:224), пер. – «Ну что еще я могу (должен) увидеть, сказал Санчо, кроме того, что я увижу?» – модальная конструкция «*tener de* + инфинитив», которая выражает **необходимость**.

• Лексическое значение:

1) «*y este otro que **tiene** el mesmo nombre, cuyo autor es Gil Polo*» (El ingenioso hidalgo Don Quijote de la Mancha, 1884:39), пер. – «и другая (книга) с таким же названием, автором которой является Хиль Поло» – имеет значение «**называться, иметь имя**»;

2) «*guárdense como las mas ricas prendas de Poesía que **tiene** España*» (El ingenioso hidalgo Don Quijote de la Mancha, 1884:40), пер. – «храните их как

самые ценные поэтические произведения, которые есть в Испании» – выражает значение **обладания**;

3) «*el cual comenzó á dar diente con diente, como quien tiene frio de cuartana*» (El ingenioso hidalgo Don Quijote de la Mancha, 1884:145), пер. – «который начал стучать зубами, как человек, которому холодно из-за лихорадки» – значение **ощущения холода**.

3.4 Выводы.

Во второй главе нами была дана общая характеристика испанской литературе XIII-XVII вв.; был рассмотрен исторический контекст, популярные в этот период литературные жанры и направления, а также лингвистические особенности. Каждое используемое нами произведение является синхроническим срезом испанского языка на разных этапах его развития: «Песнь о моём Сиде» – староиспанский (*español, castellano antiguo*), «Трагикомедия Калисто и Мелибеи» («Селестина») – испанский язык эпохи Возрождения (*español renacentista*), «Хитроумный идадьго Дон Кихот Ламанчский» – классический испанский (*español clásico*).

Далее мы дали общую характеристику семантике глаголов «*ser*», «*estar*», «*haber*» и «*tener*». Было проанализировано их происхождение, а также семантическое развитие от латинского до современного испанского языка. Эволюция, причины и механизм семантического развития был изображен нами на таблице, с которой можно ознакомиться в **6. Приложение (Табл. 2)**.

Затем были даны примеры реализации разных значений рассматриваемых глаголов в выбранных литературных текстах. В ходе этого анализа мы могли бы сделать следующий вывод: наибольшая разница между семантикой глаголов наблюдается между «Песней о моём Сиде» и остальными двумя произведениями. В «Сиде» большое количество неустойчивых форм, многие глаголы еще не закрепили свое значение, другие находятся в конкуренции с аналогами, грамматикализованные конструкции иногда имеют

необычный порядок слов, основной глагол и вспомогательный (а также предлог, если есть) могут разъединяться местоимениями, многие современные конструкции не представлены вообще, что говорит об их более позднем происхождении. Если же сравнивать язык в «Селестине» и «Дон Кихоте», то можно сделать вывод, что разница между ними есть, но она минимальна. В основном это выражается в частоте использования тех или иных грамматических конструкций. Мы предполагаем, что замедление процесса изменения семантики связано с тенденцией к активной кодификации испанского языка, начавшейся в XV в. (например, благодаря вкладам Антонио де Небрихи). Разумеется, для более подробных и точных данных имеет смысл продолжать работу в этом направлении, поскольку это помогает лучше понимать процессы семантических изменений не только на разных этапах развития языка, но и в современном испанском.

4. Заключение.

В нашем исследовании были рассмотрены история развития семантики, её цели и задачи, основные направления и школы, как отечественные, так и иностранные, деятели, а также их научные работы, роль в лингвистике. Отдельное внимание было уделено вопросу определения семантики и ее положению в рамках других разделов языкознания. Поскольку главной целью данного исследования является изучение семантического развития испанской глагольной лексики, то в отдельном порядке был изучен вопрос семантических изменений: мы рассмотрели основные причины и факторы этих процессов. Кроме того, было необходимо выяснить как именно происходит изменение в значении, поэтому мы изучили типологию таких механизмов, в которую вошли: метафоризация, метонимизация, народная (ложная) этимология, эллипсис, расширение (генерализация), сужение (специализация), грамматикализация и лексикализация. К каждому было дано описание и предоставлены примеры на испанском языке с переводом на русский и комментариями.

Также была дана характеристика испанской литературе XIII-XVII вв., рассмотрены этапы ее развития, разные течения, социальная, культурная и политическая обстановка в Испании тех лет, популярные жанры, а также лингвистические особенности. Кроме того, были охарактеризованы выбранные для исследования произведения («Песнь о моем Сиде», «Трагикомедия Калисто и Мелибеи» или «Селестина», «Хитроумный идалго Дон Кихот Ламанчский»), как с литературной, так и с лингвистической точки зрения. Отдельный параграф посвящен характеристике семантики глаголов «*ser*», «*estar*», «*haber*» и «*tener*»: рассмотрены причины и процессы, в результате которых их семантика подвергалась (и подвергается) изменениям, начиная от латинского и заканчивая современным испанским языком. Результаты этого исследования были представлены в таблице (Табл. 2).

В заключительном параграфе были проанализированы конкретные примеры реализации значений исследуемых глаголов на материале выбранной литературы. По итогу анализа нами был сделан вывод – в рамках XIII-XVII вв. наибольшее количество изменений в семантике исследуемых глаголов испанского языка произошло в период XIII-XV вв. (то есть, между «Песней о моем Сиде» и «Селестиной» разница в семантике серьезнее, чем между «Селестиной» и «Дон Кихотом»). Вероятно, это связано с тенденцией к кодификации испанского языка на государственном уровне.

5. Библиография.

1. Алпатов В. М. История лингвистических учений: Учеб. пособие. – 4-е изд., испр. и доп. – М.: Языки славянской культуры, 2005. – 368 с.
2. Апресян Ю.Д. Лексическая семантика. – М.: Наука, 1974. – 366 с.
3. Арно А., Лансло К. Грамматика общая и рациональная Пор-Рояля. – М.: Прогресс, 1990. – 273 с.
4. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. – 2-е изд., испр. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1999. – 896 с.
5. Балашов Н. И., Степанов Г. В. Испанская литература XVII в. // История всемирной литературы: В 8 томах / АН СССР; Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. Т. 4. – М.: Наука, 1987. – с. 70-98.
6. Блумфилд Л. Язык. – М.: Прогресс, 1968. – 607 с.
7. Васильева-Шведе О. К., Степанов В. Г. Испанский язык: Теоретическая грамматика: Морфология и синтаксис частей речи. – М.: Высш. шк., 1990. – 351 с.
8. Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков. – М.: Яз. рус. культуры, 1999. – с. 776.
9. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. – М.: Прогресс, 1984. – 400 с.
10. Дэвидсон Д. Истина и значение // Новое в зарубежной лингвистике. Логический анализ естественного языка. Вып. XVIII. – М.: Прогресс, 1986. – с. 99-120.
11. Есперсен О. Философия грамматики. – М.: Издательство иностранной литературы, 1958. – 400 с.
12. Журавлев А. П. Фонетическое значение. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1974. – 159 с.

13. Касевич В. Б. Семантика. Синтаксис. Морфология. – М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1988. – 309 с.
14. Кибрик А. Е. Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания (универсальное, типовое и специфическое в языке). – М.: Изд-во МГУ, 1992. – 336 с.
15. Кобозева И. М. Лингвистическая семантика: Учебное пособие. – М.: Эдиториал УРСС, 2000. – 352 с.
16. Кронгауз М. А. Семантика: Учебник для студ. лингв. фак. высш. учеб. заведений / Максим Анисимович Кронгауз. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Издательский центр «Академия», 2005. – 352 с.
17. Левицкий В. В. Семантика и фонетика. – Черновцы: Изд-во ЧГУ, 1973. – 103 с.
18. Лейбниц Г. В. Новые опыты о человеческом разумении автора системы предустановленной гармонии // Собр. соч.: в 4-х т. – М.: Мысль, 1983. Т. 2. – 686 с.
19. Маслов Ю. С. Введение в языкознание: Учебник для филол. спец. вузов. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Высш. шк., 1987. – 272 с.
20. Мельчук И. А. Опыт теории лингвистических моделей «Смысл ↔ Текст». – М.: Школа «Языки русской культуры», 1999. – 370 с.
21. Ортега-и-Гассет Х. Размышления о «Дон Кихоте» / Пер. с исп. О. В. Журавлева, А. Б. Матвеева: авт. закл. статьи О. В. Журавлев: примеч. О. В. Журавлева, А. Ю. Мирюлюбовой. – СПб.: Изд-во С.-Петербургского университета, 1997. – 332 с.
22. Падучева Е. В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью. – М.: Наука, 1985. – 272 с.

23. Плавский З. И. испанская литература XIV-XVI вв. // История всемирной литературы: В 8 томах / АН СССР; Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. Т. 3. – М.: Наука, 1985. – с. 334-394.
24. Попова З. Д., Стернин И. А. Когнитивная лингвистика. – М.: АСТ: Восток – Запад, 2007. – 314 с.
25. Потебня А. А. Мысль и язык // Эстетика и поэтика. – М.: Искусство, 1976. – 614 с.
26. Сааринен А. О метатеории и методологии семантики // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVIII. – М.: Прогресс, 1986. – с. 121-138.
27. Сепир Э. Язык. – М.: Л., 1934. – 224 с.
28. Смирнов А. А. Средневековая литература Испании. – Л.: Наука, 1969. – 212 с.
29. Alonso A., Henríquez Ureña P. Gramática castellana. – Buenos Aires: Losada, 1998. – 236 p.
30. Baldinger K. Etimología popular y onomástica // Lexis: Revista de lingüística y literatura. Vol. 10, №1. – Perú: Pontificia Universidad Católica del Perú: Departamento de Humanidades, 1986. – p. 1-24
31. Bello A., Cuervo R. J. Gramática de la lengua castellana. – Madrid: Arco Libros, 1988. – 1028 p.
32. Bendix E. H. Componential Analysis of General Vocabulary: The semantic structure of a set of verbs in English, Hindi and Japanese. – The Hague: Mouton & Co., 1966. – 190 p.
33. Blank A., Koch P. Historical Semantics and Cognition. – Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 1999. – 312 p.
34. Blecua J. M. Historia de la Literatura Española. Volumen II. – Alicante: Biblioteca Virtual Miguel de Cervantes, 2011. – 226 p.

35. Bréal M. Essai de sémantique. Science des significations. – Paris: Hachette, 1897. – 382 p.
36. Brenan G. The Literature of the Spanish People: From Roman Times to the Present Day. – Cambridge: University Press, 1953. – 494 p.
37. Buenafuentes de la Mata, C. Procesos de gramaticalización y lexicalización en la formación de compuestos en español. Vol. 1. – Barcelona: Universitat Autònoma de Barcelona, 2007. – 571 p.
38. Carriazo Ruiz José-Ramón, Julià Luna C. Manual de Semántica de la Lengua Española. – Madrid: Editorial Universitaria Ramón Areces, 2021. – 320 p.
39. Chomsky N. Cartesian Linguistics: A Chapter in the History of Rationalist Thought. – New York and London: Harper & Row, 1966. – 119 p.
40. Cifuentes Honrubia J. L. Locuciones prepositivas: sobre la gramaticalización en español. – Alicante: Universidad de Alicante, 2003. – 278 p.
41. Company Company C. La gramaticalización en la historia del español // Medievalia. № 35. – México: Universidad Nacional Autónoma de México 2003. – 61 p.
42. Criado de Val M. Gramática española. – Madrid: Saeta, 1958. – 242 p.
43. Criado de Val M. El verbo español. – Madrid: Sociedad anónima española de traductores y autores, 1969. – 457 p.
44. Dworkin S. N. La naturaleza del cambio léxico // Actas del VI Congreso Internacional de Historia de la Lengua española. Vol. 1. – Madrid: Arco Libros, 2006. – p. 67-84.
45. Dworkin S. N. A Guide to Old Spanish. – Oxford University Press, 2018. – 152 p.
46. Espinosa Elorza R. El cambio semántico // Panorama de la lexicología. – Barcelona: Ariel, 2009. – p. 159-188.

47. Fitzmaurice-Kelly J. Historia de la literatura española. – Madrid: V. Suárez, 1921. – 494 p.
48. Fodor J. A. The Language of Thought. – Harvard University Press, 1975. – 214 p.
49. Franyutti Rivero A. La lengua de Cervantes. – México: Universidad Autónoma del Estado de Morelos, 2021. – 10 p.
50. Fraser C. Language and Logic in the Xunzi // Dao Companion to the Philosophy of Xunzi. – Dordrecht: Springer, 2016. – p. 291-321.
51. Garachana Camarero M. – Los procesos de gramaticalización // Moenia. № 5. – Santiago de Compostela: Universidade de Santiago de Compostela, 1999. – p. 155-172.
52. García-Borrón Juan-Pablo, Semántica de la palabra. – Barcelona: Universitat de Barcelona, 2013. – 205 p.
53. Gonzáles Pérez R. Las combinaciones léxicas sinestésicas en el marco de la teoría semántica // RILCE. Vol. 33. – Navarra: Universidad de Navarra, 2017. – p. 914-944.
54. Guiraud P. La semántica. – México: Fondo de Cultura Económica, 1960. – 114 p.
55. Heine B., Claudi U., Hünnemeyer F. Grammaticalization: a conceptual framework. – Chicago: University of Chicago Press, 1991. – 318 p.
56. Katz J. J. The Structure of Language: Readings in the Philosophy of Language. Ed. by J. A. Fodor, J.J. Katz. – Englewood Cliffs: Prentice-Hall, Inc., 1964. – 612 p.
57. Kronasser H. Handbuch der Semasiologie: kurze Einführung in die Geschichte, Problematik und Terminologie der Bedeutungslehre. – Heidelberg: C. Winter, 1952. – 204 p.

58. Lakoff G. The Invariance Hypothesis: is abstract reason based on image-schemas? // *Cognitive Linguistics*. Vol. 1. – Berlin; New York: Walter de Gruyter, 1990. – p. 39-74.
59. Llamas Saíz C. *Metáfora y creación léxica*. – Pamplona: EUNSA, 2005. – 261 p.
60. Manga García M. C. Estudio sobre la interdicción sexual, erótica y escatológica en los "Cuentos de Eva Luna" de Isabel Allende // *Ámbitos*. № 7. – Córdoba: Asociación de Estudios de Ciencias Sociales y Humanidades, 2002. – p. 105-120.
61. Martínez-Dueñas J. L. *La metáfora*. – Barcelona: Ediciones Octaedro, 1993. – 105 p.
62. Montague R. The Proper Treatment of Quantification in Ordinary English. Montague R. *Formal Philosophy. Selected Papers*. Ed. by R. H. Thomason. – Yale University Press, 1974. – p. 247-270.
63. Montero Curiel P. El proceso de lexicalización del diminutivo ardilla // *Anuario de Estudios Filológicos*. Vol. XXXI. – Extremadura: Universidad de Extremadura, 2008. – p. 117-131.
64. Penny R. *A History of the Spanish Language*. – Cambridge University Press, 2002. – 398 p.
65. Penny R. *Semántica // Gramática histórica del español*. – 3.ª reimpresión. – Barcelona: Ariel, 2008. – p. 327-342
66. Menéndez Pidal R. *Historia de la Lengua española*. Vol. 1. – Madrid: Fundación Ramón Menéndez Pidal, 2007. – 1360 p.
67. Quine W. V. *The Roots of Reference*. – La Salle: Open Court, 1973. – 151 p.
68. RAE: *Manual de la nueva gramática de la lengua española*. – Madrid: Real Academia Española, 2010. – 529 p.

69. Reisig K. Vorlesungen über lateinische Sprachwissenschaft. – Lehnhold: Leipzig, 1839. – 885 p.
70. Serrano Esteve A. Estudio de teoría ortográfica del español. – Murcia: EDITUM, 1982. – 459 p.
71. Schlegel F. Lectures on the History of Literature, Ancient and Modern. Vol. 1. – Edinburgh: W. Blackwood, 1818. – 346 p.
72. Taylor J. Linguistic Categorization. Prototypes in Linguistic Theory. – Oxford: Clarendon Press, 1989. – 270 p.
73. Ullmann S. Semántica. Introducción a la ciencia del significado. – Madrid: Aguilar, 1980. – 444 p.
74. Vañó-Cerdá A. Ser y Estar + adjetivos. Un estudio sincrónico y diacrónico. – Tübingen: Gunter Narr Verlag, 1982. – 350 p.
75. Vendler Z. Linguistics in Philosophy. – Ithaca: Cornell University Press, 1967. – 203 p.
76. Veny J. Cap a una tipologia de l'etimologia popular // Jornadas de Filología. – Barcelona: Universitat de Barcelona, 1990. – p. 137-152.
77. Wierzbicka A. Lingua Mentalis. – Sydney: Academic Press, 1980. – 367 p.
78. Yllera A. Sintaxis histórica del verbo español: Las perífrasis medievales. – Zaragoza: Universidad de Zaragoza, 1980. – 374 p.

Художественная литература

1. Кузанский Н. Компендий. Охота за мудростью. О вершине созерцания / пер. с лат. В. В. Биbihин – М.: Академический проект, 2012. – 134 с.
2. Cervantes Saavedra, Miguel de. El ingenioso hidalgo Don Quijote de la Mancha. New ed. Vol. 1. – Palencia: Peralta, 1884. – 606 p.

3. Cervantes Saavedra, Miguel de. El ingenioso hidalgo Don Qvixote de la Mancha. Segvnda parte del Ingenioso cavallero Don Qvioxote de la Mancha. – New York: Hispanic Society of America, 1917. – 596 p.
4. Menéndez Pidal, Ramón. Poema de Mío Cid. Edición y notas de Ramón Menéndez Pidal de la Real Academia Español. – Madrid: Ediciones de «La Lectura», 1913. – 376 p.
5. Ovid. Fasti, Book IV. Ed. by Elaine Fantham. – Cambridge University Press, 2005. – 291 p.
6. Rojas, Fernando de. La Celestina. Tragicomedia de Calisto y Melibea. – Vigo: Librería de Eugenio Krapf, 1899. – 305 p.

Словари

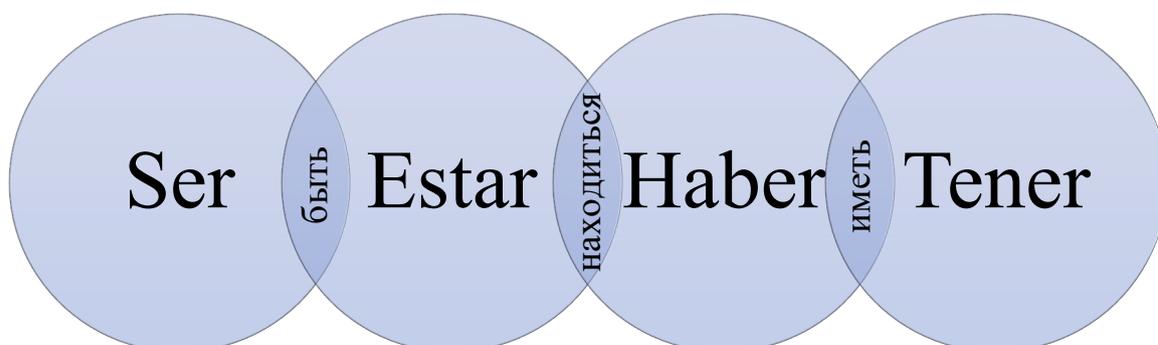
1. Большой испанско-русский словарь. Под ред. Б.П. Нарумова. – М.: Русский язык, 1999. – 832 с.
2. ЛРС: Латинско-русский словарь. Сост. И.Х. Дворецкий. – М.: Рус. яз., 1986. – 840 с.
3. ЛЭС: Лингвистический энциклопедический словарь. Гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – 686 с.
4. Марузо Ж. Словарь лингвистических терминов. – М.: Издательство иностранной литературы, 1960. – 436 с.
5. RAE y ASALE: Glosario de términos gramaticales. – Universidad de Salamanca, 2019. – 440 p.
6. Corominas J., Pascual J. A. Diccionario crítico etimológico castellano e hispánico. Vol. I-VI – 1.ª Reimpresión. – Madrid: Gredos, 1984.

Электронные ресурсы

1. Real Academia Española: Diccionario de la lengua española. 23.ª ed.: [Электронный ресурс]. URL: (дата обращения: 05.05.2023).
2. Real Academia Española: 1000 formas más frecuentes : [Электронный ресурс]. URL: https://corpus.rae.es/frec/1000_formas.TXT (дата обращения: 01.05.2023).
3. Конфуций. Суждения и беседы / Пер. В. А. Кривцовой : [Электронный ресурс]. URL: <https://lunyu.ru> (дата обращения: 2.05.2023).
4. Real Academia Española: Nuevo Tesoro Lexicográfico de la Lengua Española : [Электронный ресурс]. URL: <https://apps.rae.es/ntlle/SrvltGUILoginNtlle> (дата обращения: 16.05.2023).
5. Proyecto Ensayo Hispánico: Prólogo a la gramática de la lengua castellana : [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ensayistas.org/antologia/XV/nebrija/> (дата обращения: 16.05.2023).
6. Centro Virtual Cervantes: La lengua del Quijote: rasgos generales : [Электронный ресурс]. URL: <https://cvc.cervantes.es/literatura/clasicos/quijote/introduccion/apendice/gutierrez.htm> (дата обращения: 19.05.2023).
7. Словарь русского языка в 4-х томах: Описание ЭНИ // Фундаментальная электронная библиотека "Русская литература и фольклор" (ФЭБ). – [М.]: 2005 : [Электронный ресурс]. URL: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/0encyc.htm> (дата обращения: 03.05.2023).
8. Real Academia Española: Diccionario panhispánico de dudas : [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rae.es/dpd/> (дата обращения: 19.05.2023).

6. Приложения.

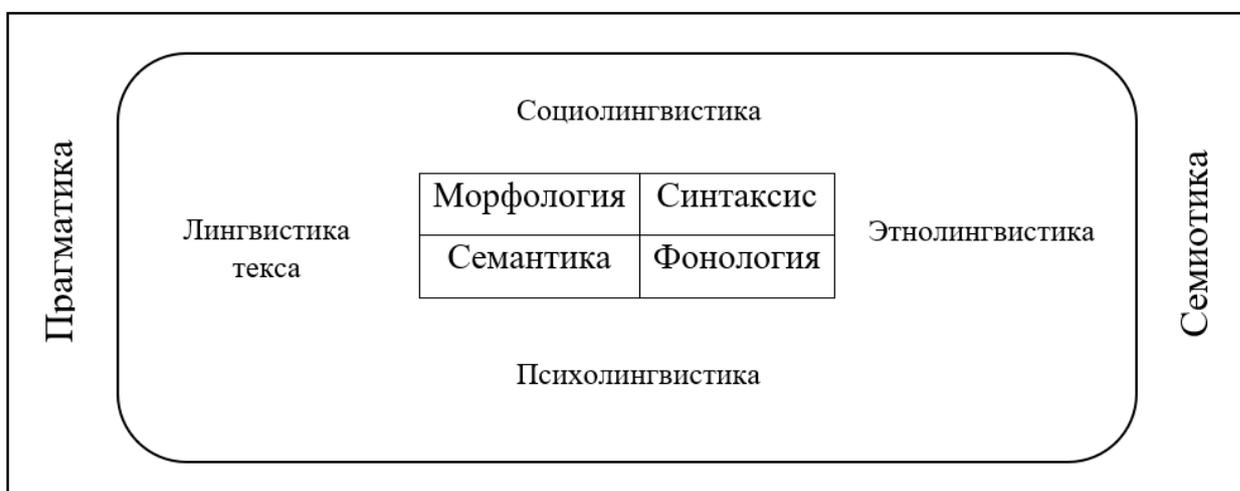
1.2. *Диаграмма 1 – образование глаголами «ser», «estar», «haber» и «tener» семантических пар. Отображено на диаграмме Венна.*

2.2. *Таблица 1 – иерархическое строение системы языка по Кобозевой И. М.*

Единица	Уровень	Дисциплина
Предложение	Синтаксический	Синтаксис
Слово	Лексический	Лексикология
Морфема	Морфемный	Морфология
Фонема	Фонемный	Фонология

2.2. *Схема 2 – иерархическое строение системы языка по Хосе-Рамону Карриасо Руису.*

3.2.4 Таблица 3 – развитие, причины (факторы) и механизмы семантических изменений в глаголах «*ser*», «*estar*», «*haber*» и «*tener*».

Глагол	Развитие значения	Фактор	Механизм
<i>Ser</i>	<p>«быть, сидеть»</p> <p>↓</p> <p>«быть, сидеть, находиться»</p> <p>↓</p> <p>«быть, существовать» (<i>esse</i> + <i>sēdēre</i> > <i>seer/ser</i>)</p>	Омонимия, полисемия	Метонимия, расширение, грамматикализация
<i>Estar</i>	<p>«стоять в вертикальном положении»</p> <p>↓</p> <p>«стоять, находиться»</p> <p>↓</p> <p>«быть, находиться» (<i>stāre</i> > <i>estar</i>)</p>	Неопределенность границ	Расширение, грамматикализация
<i>Haber</i>	<p>«иметь, обладать»</p> <p>↓</p> <p>редко употребляется как полнозначный глагол</p> <p>↓</p> <p>грамматикализация значения, лексическое значение –</p>	Был вытеснен более конкретным по значению глаголом « <i>tener</i> »	Сужение, грамматикализация

	<p>«находиться, существовать» (только в безличной форме) (<i>habēre</i> > <i>aver/haber</i>)</p>		
<i>Tener</i>	<p>«сохранять, обладать, держать» ↓ «иметь, обладать, держать» (<i>tēnēre</i> > <i>tener</i>)</p>	<p>Стабильная семантика, практически не изменялась</p>	<p>Есть тенденция к расширению и грамматикализации</p>